

Алекс Д

*Ты же ты просто
не отпустил меня?..*

ИНДИГО

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

Выбор читателей

 LiveLib

Литрес

Они написали убийство

Алекс Д

Индиго

«Алекс Д.»

2022

Д А.

Индиго / А. Д — «Алекс Д.», 2022 — (Они написали убийство)

ISBN 978-5-535-11021-9

Известная писательница исчезает из собственного дома при загадочных обстоятельствах. Первым под подозрение попадает ее муж. Именно он позвонил в службу спасения, сообщив, что нашел супругу мертвой в бассейне. Однако прибывший наряд полиции не обнаруживает никаких следов женщины. После нескольких лет безуспешных поисков расследование заходит в тупик. С мужа писательницы, Алана Флеминга, снимают все обвинения, а ее саму признают умершей и закрывают дело. Тайна исчезновения так и осталась бы неразгаданной, но в жизни Алана появляется еще одна загадочная фигура: Аннабель Одли, кузина его пропавшей жены. Анна сообщает, что состояла с сестрой в многолетней переписке, и дает понять, что знает куда больше, чем Алан рассказал следствию.

ISBN 978-5-535-11021-9

© Д А., 2022

© Алекс Д., 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алекс Д Индиго

© Алекс Д, 2022
© ООО «ЛитРес», 2022
© «Яуза-каталог», 2022

* * *

«В мире одиноких людей каждый занят поиском того, кто заполнит зияющую внутри пустоту, но почти никто не задумывается о том, что из двух наполовину пустых сосудов только один может наполниться до краев, если другой разобьется.

Я прошу тебя, читающего сейчас эти строки: если не готов разбиться, не ищи.

Пролог

Если бы меня спросили, когда все началось, я не смогла бы ответить сразу или назвала несколько моментов.

Почему не один?

Потому что каждый из них не имел какого-то особого рокового значения, и при этом вычеркни я любой – истории бы не случилось.

Но знаете, что я скажу, оглядываясь назад?

Все произошло так, как мы того заслужили, и наши решения, какими бы неверными они ни были, мы принимали сами. Каждый наш шаг или действие, а иногда просто слово запускали виток событий, которые в какое-то мгновение вышли из-под контроля, и мы оказались там, где сейчас...

По разные стороны этого мира.

Он пожертвовал собой, чтобы заменить меня в дьявольской тюрьме, тем самым приговорив себя к вечному скитанию среди проклятых стен. Но разве я могу наслаждаться свободой, зная, что тот, кто спас меня, тот, кому я отдала свое сердце, остался там, откуда еще никто не возвращался живым?

Разве я могу свободно дышать и встречать рассветы, не задаваясь одним и тем же вопросом: «Почему ты просто не отпустил меня?»

М. Флеминг. Индиго

Фрагмент из первого и последнего интервью Мириам Флеминг, которое так и не было выпущено в эфир:

– Сегодня у нас в гостях автор безусловного бестселлера «Индиго». Должен признаться, что нам потребовалось приложить немало усилий, чтобы уговорить автора романа Мириам Флеминг дать небольшое интервью нашему каналу.

– Вы были очень убедительны. Хочу объяснить свою позицию. Когда целый год живешь книгой и ее героями, очень сложно заставить себя говорить о ней. Необходимо время, чтобы морально собраться... Книжное похмелье. Кажется, теперь я знаю, как правильно назвать свои ощущения после завершения романа.

– Вместе с миллионами читателей «Индиго» я счастлив, что вы наконец-то с нами.

– Мне приятно это слышать, Дэвид. Я могу обращаться к вам по имени?

– Конечно. Для меня огромная честь стать вашим первым интервьюером. Я один из ваших самых преданных фанатов, Мириам.

– Вы мне льстите, но я принимаю комплимент.

– Уверен, что все наши зрители сейчас прилипли к экранам в ожидании сенсационных заявлений, но мы по традиции начнем с небольшого синопсиса. Мириам, может быть, вы расскажете поклонникам романа, какими видите своих героев, их мотивацию, внутренний конфликт и основной фундамент сюжета?

– Я немного смущаюсь, Дэвид, но попробую.

– Я здесь, чтобы помочь вам не растеряться.

– Спасибо. Тогда давайте начнем. Итак, юная Тея живет на уединенной ферме с родителями и маленьким братом. У девочки ярко-синие глаза и замкнутый характер. Она немногословна, неконтактна, слышит голоса и говорит с духами.

– Название книги как-то связано с цветом глаз главной героини?

– Не совсем. Несколько поколений семьи Теи занимались производством красителей. В частности, сульфированного индиго, добываемого из растения под названием вайда, которое

выращивалось на ферме. Удивительно, но цветки растения вовсе не синие, а насыщенно-желтые и очень мелкие, издавала напоминая дымку. Только представьте: целые плантации дымчато-желтых цветов. Плавающие поля. На закате они напоминают адское пламя, а на рассвете – пыльную с крыльев ангела. Загораживающее и пугающее зрелище. Тея считала, что аромат вайды привлечет темные сущности, захватившие ее дом и души обитателей. Она видела их повсюду. Мелькающие тени, горящие во тьме красные глаза, леденящий душу шепот по ночам, жуткие шорохи, топот шагов и необъяснимый грохот в пустующих комнатах, хлопающие ставни и скрежет дьявольских когтей по стеклам окон.

– Меня самого бросает в дрожь. Страшно предположить, что испытывала Тея, находясь внутри этого кошмара.

– Она привыкла и, как бы это дико ни звучало, приняла живущую в доме тьму, смогла договориться со злобными духами. Они требовали от девочки выполнения одного единственного условия: никогда не покидать границы фермы, и тогда она сама и ее близкие не пострадают.

– Но она ослушалась...

– Да. Однажды на территорию фермы проникает чужак. Красивый городской парень Тим, в которого Тея без оглядки влюбляется. Между ними завязывается тайный роман. Первая трепетная любовь, вскружившая голову обоим. Тим уговаривает Тею уйти с ним в мир, полный разнообразия цветов и оттенков, помимо синего и желтого. Втайне от родных Тея собирает вещи и готовится к побегу.

– Которому не суждено произойти...

– Все верно, Дэвид. Темные силы жестоко наказывают девушку за неповиновение. В этот же день в пруду возле дома находят тело утонувшего брата Теи, а спустя несколько часов ее мать, не справившись с горем, совершает самоубийство.

– Это одна из самых тяжелых сцен романа.

– Мне она тоже далась нелегко. Но еще сложнее пришлось Тее. Чувство вины, горечь утраты, отчаяние, беспомощность и никакой надежды на светлое будущее с Тимом. Духи предупреждают, что он станет следующей жертвой, и девушка вынуждена обмануть его. Тея говорит любимому, что у нее есть другой. Раздавленный отказом Тим надолго уезжает из этих мест. А Тея остается в проклятом доме вместе со своим постепенно теряющим разум отцом и блуждающими по комнатам призраками умершей матери и маленького брата. Отец Теи жесток и холоден, настоящий тиран. Но у девушки нет выхода. Она пленница.

– Страшная судьба. Но однажды Тим возвращается...

– Да, так и не забыв свою первую любовь, Тим спустя много лет приезжает на ферму. Он находит Тею запертой в подвале проклятого особняка. Измощенную, едва живую от страха. Обезумевший отец винит дочь в том, что она наслала проклятие на их дом. Узнав любимого, Тея поддается слабости и рассказывает ему правду, без боязни, что он высмеет или не поверит ей. Тим поверил. Любовь не требует доказательств, она умеет слушать, доверять, прощать и исцелять. К тому моменту, когда они выбрались из подвала, хозяин дома уже был мертв. Это стало еще одним предупреждением темных сил, но на этот раз Тим не позволил Тее принести себя в жертву и снова стать пленницей неугомонных духов. Он предлагает ей сжечь дом и уехать вместе с ним.

– И мы плавно приближаемся к ужасающей развязке...

– Держась за руки, Тея и Тим наблюдают, как необъятным пламенем полыхает старинный семейный особняк. Вокруг влюбленных тлеют дымчато-желтые поля, присыпанные черным пеплом. Тея слышит нежный шепот Тима, говорящего о том, что теперь она свободна и должна жить, никогда не оглядываясь назад и не вспоминая этот день. Она улыбается, готовая пообещать все что угодно, но, повернув голову к любимому...

– Видит пустоту, ее рука ловит воздух вместо пальцев Тима. Тея в ужасе, она смотрит на горящее окно своей спальни и узнает в мелькнувшей в пламени черной тени призрак Тима.

– Дэвид, мы рассказали весь сюжет. Продюсеры забракует передачу.

– Может быть, но я все-таки хочу спросить...

– Я внимательно слушаю.

– Мириам, огромное количество поклонников «Индиго» огорчены финалом и не теряют надежду на продолжение романа. Скажите, есть ли второй шанс у трагической истории Тима и Теи?

– Я думаю об этом... На самом деле, я постоянно прокручиваю различные варианты дальнейшего развития сюжета, но пока не могу ничего обещать. Все слишком смутно, неясно. Я вижу их сквозь густой клубящийся туман, но как только я нащупаю верную тропу, вы узнаете...

* * *

«Нью-Йорк Таймс»: Известную писательницу Мириам Флеминг, пропавшую три года назад из собственного дома при странных обстоятельствах, официально признали умершей.

Власти штата сообщили о завершении расследования, чем вызвали недовольство поклонников автора по всему миру. Однако публичные акции фанатов с требованием продолжить поиски не увенчались успехом.

Исчезновение Мириам Флеминг в ноябре 20... года потрясло весь мир. Самым странным и трудным в затянувшемся расследовании являлось отсутствие тела, как основного доказательства совершенного преступления. Тем не менее следствие, изучив все улики, пришло к единогласному решению, что Мириам Флеминг была хладнокровно убита неизвестным преступником. Долгое время под подозрением полиции находился законный супруг писательницы – Алан Флеминг, тоже являющийся автором ряда популярных книг.

В настоящее время все обвинения с Алана Флеминга сняты за неимением весомых доказательств. Три года назад именно муж Мириам позвонил в службу спасения и сообщил, что нашел жену мертвой в бассейне их общего загородного дома. Однако прибывший на место наряд полиции не обнаружил тела Мириам Флеминг, а припаркованный во дворе автомобиль женщины и личные вещи, находившиеся в доме, указывали на то, что она не могла покинуть территорию частного владения самостоятельно.

Достоверные источники также сообщают о еще одном странном обстоятельстве, породившем массу слухов вокруг исчезновения писательницы. Согласно заключениям технической группы, видеонаблюдение в доме Флемингов вышло из строя за сутки до трагедии. Алан Флеминг утверждал, что не подозревал о неисправности, так как несколько дней практически не выходил из своего кабинета, работая над завершением очередной рукописи, которая, к слову, так и не была опубликована.

В настоящий момент Алан Флеминг завершил писательскую карьеру, продал дом одному из поклонников своей супруги, его местонахождение и дальнейшая судьба достоверно не известны. Стоит отметить, что ни Алан, ни его адвокат не дали ни одного интервью за время расследования, что повлекло за собой еще больше подозрений и домыслов.

Напомним, что на момент загадочной трагедии Мириам Флеминг было всего двадцать шесть лет, ее творческая карьера только набирала обороты. Дебютная книга, вышедшая из-под пера писательницы, «Индиго», в кратчайшие сроки стала бестселлером, но о своей стремительной славе Мириам так и не узнала.

Кто знает, сколько еще оригинальных идей эта талантливая женщина могла подарить своим поклонникам? И узнаем ли мы когда-нибудь, что на самом деле случилось в тот роковой день?

Когда уходят кумиры, это всегда трагедия для тысяч фанатов. Но еще сложнее, если причины их смерти так и остаются покрыты тайной.

Глава 1

*Если приближаешься к злу слишком близко, оно рано или поздно
завладевает тобой.*

Ф. Тилье. Комната мертвых

Год спустя

США, Огайо. Городское кладбище

Алан Флеминг

Осеннее солнце может быть очень обманчивым. Утром прячется за плотными тучами, а в полдень, растопив серую дымку, светит так ярко, что даже темные очки не защищают чувствительную сетчатку от прямого воздействия ультрафиолета.

Воздух, пронизанный порывами холодного ветра, дрожит, словно омытое дождями стекло. Настолько прозрачный и чистый, что мне кажется, я слышу хрустальный звон, но это всего лишь гонимая ледяным дыханием гранитная крошка бьется о безмолвные надгробия. Шелестящие под подошвами багряно-желтые листья приглушают монотонный стук, нашептывая свою унылую мелодию. Она звучала бы куда лучше под аккомпанемент промозглого дождя, а в холодный ноябрьский полдень, окутанный золотой дымкой, слышится как злорадная издевка.

Несоответствие – я повсюду его вижу. Словно все силы природы, одновременно сговорившись, смеются надо мной, вынуждая принять неприглядную истину. Они знают... знают наверняка и каждый мой визит сюда ждут чистосердечного признания. Они никогда не позволяют забыть о том, что я сделал и что еще планирую совершить. Они не отговаривают, не осуждают, а терпеливо выжидают, как немые надзиратели сторожат у запертой двери в одиночную камеру. Однажды, когда все закончится, мне придется ее открыть и поведать миру правду, а пока эта тайна скрыта глубоко под землей, в пустой могиле, в холодной тишине и безмолвии.

Остановившись перед каменным надгробием, я кладу букет желтых роз на пожухший газон и, выпрямившись, пару секунд смотрю на выгравированные на граните буквы. Имя, дата рождения и смерти, пара строк, взятая из единственного романа Мириам в качестве эпитафии.

«Если бы мы умели жить сегодняшним днем, не оборачиваясь назад и не заглядывая в будущее, то открыли бы секрет вечности».

Убрав озябшие руки в карманы пальто, я делаю глубокий вдох и вглядываюсь в безоблачное небо. Бесконечная синева и огненный нимб солнца. Закрыв глаза, я позволяю остывающим лучам тронуть остатками тепла мое запрокинутое лицо.

Как же тихо и спокойно в этом месте скорби и уныния. Я полной грудью дышу запахами увядающей природы и влажной земли, отпуская тяжелые мысли прочь, изгоняя тьму туда, где она и должна покоиться с миром. И как бы странно это ни звучало, мне нравится сюда приходить. Каждый мой визит – не способ прощания или принятия, не искупление и не исповедь самому себе. Это что-то большее, сокровенное, личное.

– Извините, что отвлекаю. – Шуршание шагов и смущенный женский голос за спиной возвращают меня в обитель живых.

Я не оглядываюсь, хотя нарушительница спокойствия явно ждет вежливого ответа или хотя бы какой-то реакции. Но единственное, что я делаю, – опускаю взгляд на надгробие.

– Я забыла в машине зажигалку, а курить хочется просто адски. Вы не могли бы меня выручить? – Девушка не сдается и подходит еще ближе.

– Почему вы решили, что я могу вам помочь? – инстинктивно нащупав в кармане зажигалку, грубовато отвечаю я.

– Я видела, как вы курили, – не растерявшись, произносит настырная незнакомка и, нарушив все правила кладбищенского этикета, если, конечно, таковой существует, бесцеремонно врывается в зону моего комфорта и встает рядом со мной.

– Вы лжете. – Это не вопрос, а утверждение.

– Это было не сегодня, – поясняет девушка. – В прошлую пятницу вы точно курили. И в предыдущую тоже.

– Вы за мной следите? – все еще гипнотизируя взглядом памятник, уточняю я.

– Нет, и в мыслях не было. У меня недавно умерла кузина, и я часто бываю здесь. Как и вы...

– Как зовут вашу кузину?

– Что, простите?

– Вы слышали вопрос, – настаиваю я и, повернув голову, наконец смотрю на незнакомку, хотя это определение вряд ли уместно.

Бегло оцениваю нарушительницу тишины. Молодая и, без сомнения, привлекательная. Я бы не дал больше тридцати лет. Невысокая, стройная брюнетка со скромным пучком на затылке и без намека на макияж, который ей абсолютно не нужен, чтобы нравиться мужчинам. Красивые губы, выразительные синие глаза, тонкое лицо и высокие скулы. Одета неброско, но со вкусом. Длинный стильный тренч горчичного цвета, схваченный на талии широким кожаным ремнем, высокие черные сапоги без каблука и небольшая сумочка, в которую вполне могут уместиться диктофон и камера. Я отмечаю все эти детали на автомате, сопоставляя с уже имеющимся образом. В моем положении необходима предельная осторожность и наблюдательность. Никогда не знаешь, откуда может появиться стервятник, чтобы доклевать то, что не успели обглодать другие.

– Мария, – выдает собеседница первое имя, что приходит в голову.

– Вы снова лжете, – бесстрастно утверждаю я. Достав из кармана зажигалку, протягиваю девушке. Она мнется, снова попав впросак. – Сигарет тоже нет? – с ироничной ухмылкой уточняю то, что и так очевидно.

– Кажется, я их забыла, – даже не заглянув в сумочку, умело врет брюнетка.

– Вы не курите, – уверенно говорю я.

– Откуда вам знать? – Она поджигает губы, глядя на меня почти с вызовом. Тише, крошка, это ты ко мне подкатила, а не наоборот.

– Угадайте? – Выразительно выгибаю бровь. Девушка с досадой хмурится, поняв, что конспиратор из нее никакой.

Я действительно видел ее и в прошлую пятницу, и в позапрошлую, и каждый раз брюнетка стояла у разных могил, исподтишка поглядывая в мою сторону. Я знал, что рано или поздно она подойдет.

– А давай угадаю я, – беру инициативу в свои руки, переходя на бесцеремонный тон. – Никакой умершей кузины Марии не существует. Ты приходишь сюда, чтобы наблюдать за мной, выжидая удобный момент для «случайного» знакомства. Тут напрашивается логичный вопрос. Зачем привлекательной девушке торчать каждую пятницу на кладбище, чтобы познакомиться со скорбящим вдовцом. И еще один: почему ее выбор пал именно на меня?

Задав последний вопрос, с торжествующей улыбкой смотрю в сконфуженное лицо.

– Если ты такой умный, то ответь сам, – с неожиданной дерзостью, неизвестно откуда взявшейся, бросает брюнетка. – И большое спасибо за комплимент.

– Это не комплимент, а констатация факта. Итак, мисс или миссис, как вас там, у меня есть два варианта. Первый – ты журналистка, гонящаяся за очередной сенсацией. Второй – охотница за богатым вдовцом. Какой подходит больше?

– Оба мимо, – «возмущается» девушка.

– Неужели? – «удивляюсь» я.

Очаровательная лгунья утвердительно качает головой, глядя при этом уморительно серьезной. Похоже, она не собирается сдаваться. В принципе, это ожидаемо. В предвкушении очередной лживой версии я прикуриваю сигарету. Выпустив в сторону струйку дыма, наклоняюсь, чтобы поправить выбившийся из букета цветок.

– Мири не любила розы, – внезапно произносит брюнетка.

Выпрямившись, я невозмутимо смотрю, как она нервно прячет руки в карманах.

– А желтый цвет и вовсе не выносила, – продолжает девушка печальным тоном. – Если ты такой внимательный к мелочам, то должен знать, что твоя жена предпочитала синие ирисы любым другим экзотическим растениям.

– Хорошо подготовилась. – Я снисходительно ухмыляюсь, прищурив глаза. – Не похожа ты на частного детектива, мисс...

– Аннабель, – прежде чем я успеваю закончить мысль, представляется синеглазка.

– Тот, кто нанял тебя, Аннабель, здорово просчитался. Можешь вернуть обратно выплаченный аванс.

– У тебя паранойя, Алан. – В том, что ей известно мое имя, вовсе нет ничего удивительного. – И твоя проницательность гроша ломаного не стоит, – добавляет нахалка. – Но ты прав, в одном я солгала. Мою кузину звали иначе.

– И как же звали твою усопшую кузину? – вкрадчиво интересуюсь я, догадавшись, куда клонит аферистка.

– Я знала ее как Мириам Бенсон. Мой отец являлся родным братом ее матери.

– Как интересно, – склонив голову набок, холодно улыбаюсь я. – Но, увы, не оригинально.

– Почему же? – Она сводит брови, с осуждением глядя, как, бросив на газон недокуренную сигарету, я тушу ее подошвой ботинка.

Что ж, похоже, придется подробно разжевывать свою категоричную позицию для не особо сообразительных.

– За последние годы ко мне навевалось столько дальних родственников, друзей и подруг моей жены, что я давно уже сбился со счета. Расчет самозванцев очень прост. Не так сложно найти информацию о том, что, переехав в Нью-Йорк в возрасте восемнадцати лет, Мириам разорвала все связи с семьей. Однако это вовсе не означает, что она не рассказывала мне о том, где и с кем прошли ее детство и юность. Мне известно все, дорогая Аннабель. И я уверен на сто процентов, что кузину с твоим именем моя жена не упоминала ни разу.

– Этому есть объяснение, – расправив плечи, уверенно отвечает новоявленная родственница. – Даже в самом счастливом браке у каждого из супругов есть моменты в прошлом, а иногда и в настоящем, о которых они предпочитают умалчивать, – глубокомысленно вещает Аннабель. – К тому же у меня есть доказательства, что я говорю правду.

– И они, конечно же, у тебя с собой, – озвучиваю свои предположения.

– Разумеется, – кивает девушка, выдержав мой снисходительный взгляд. Открыв сумочку, Аннабель достает оттуда внушительную пачку конвертов и протягивает их мне. – Здесь письма и семейная фотография. Снимок очень старый, но если присмотреться, то сходство очевидно.

– Сходство между вами? – небрежно уточняю я, окидывая девушку скептическим взглядом.

– Нет. Со снимком, – внезапно обидевшись, поясняет Аннабель. – Но в детстве нас действительно часто путали, вероятно из-за одинакового цвета волос и глаз. Нам казалось это забавным... До определенного возраста я почти каждое лето гостила у Бенсонов, – она выливает на меня новую порцию непрошенных сведений. – Мы с Мири были очень близки, и она всегда с нетерпением ждала моего приезда. У нее совсем не было подруг. Местные Бенсонов не любили по многим причинам. Городок маленький, люди простые, небогатые, а отец Мири, зажиточный фермер, отгородившийся от соседей высоким забором, был для жителей

как бельмо на глазу. Зависть – злое чувство, да и Мириам не было позволено выходить за территорию фермы, как, впрочем, и всем, кто там жил, за исключением хозяина. Сложно представить, но земля, которой владели Бенсоны, в несколько раз превышала размеры самого города.

Увлечшись разглагольствованиями, Аннабель нетерпеливо размахивает своими доказательствами, настойчиво пытаюсь мне их всучить.

– Даже не взглянешь? – Хоть и с задержкой, но до нее наконец доходит, что я абсолютно безучастен и не заинтересован ни в продолжении общения, ни в содержимом писем. Тем не менее она продолжает держать конверты в вытянутой руке, не теряя надежды, что мое любопытство победит ее наивность. – Там есть письма о тебе. Если быть точной, то почти все они о тебе, – не сдается Аннабель.

– Во времена цифровых технологий можно подделать все, – равнодушно замечаю я, но девушка проявляет завидную настойчивость. Если убрать текущие обстоятельства, то это похвальное качество и весьма полезное для достижения поставленных целей.

– Они написаны от руки, – упорствует Аннабель. – Ты наверняка знаешь почерк жены и отличишь подделку. В любом случае экспертиза сможет подтвердить их подлинность.

– Ответ на один простой вопрос: зачем мне читать эти письма, тратить время на какие-то экспертизы? – Убрав руки в карманы, я всем корпусом разворачиваюсь к девушке. – В них нет и не может быть ничего, что я еще не знаю. Повторюсь, у нас с женой не было секретов друг от друга, и будь у нее любимая кузина, с которой она состояла в многолетней переписке, Мири бы мне наверняка об этом сказала.

– Ты просто боишься, – эмоционально бросает Аннабель, бесстрашно глядя мне в глаза. – Боишься, что прочитаешь то, что тебе не понравится. Ты хочешь верить, что хорошо ее знал, но это не так, – добавляет чуть тише. – *Мири никто не знал лучше, чем я.*

– Вот это что-то новенькое. – Усмехнувшись, я шагаю вперед, сокращая дистанцию между мной и раскрасневшейся аферисткой. Она и не думает отступать, вызывая все более острый подбородок. – Ты наверняка проделала нелегкий путь для того, чтобы открыть мне глаза? Кстати, ни в одном справочнике нет моего адреса.

Остановившись на расстоянии вытянутой руки, я не без интереса рассматриваю богатое на эмоции лицо собеседницы. Вблизи она кажется еще привлекательнее, и это слегка отвлекает.

– Поэтому я и прихожу на кладбище. Разве не логично?

– Меня могло здесь не быть, – вставляю я не менее логичное замечание.

– Значит, мне повезло, или это судьба, – заявляет Аннабель, вызывая у меня приступ недоброго смеха, но ее это никоим образом не смущает и не останавливает. – На самом деле я была уверена, что рано или поздно увижу тебя на ее могиле.

– Это не ее могила. Мириам там нет, – резко бросаю я. – Это просто камень с именем моей жены.

– Я знаю, – тихо отзывается девушка, опустив, наконец, руку с зажатыми в пальцах письмами, сдавшись или просто устав размахивать ими перед собой. В синих глазах неожиданно проскальзывает сочувствие. – И я понимаю твою мнительность и недоверие к незнакомцам. Учитывая, через что тебе пришлось пройти, ты еще неплохо держишься. Все эти обвинения...

– Их с меня сняли, – грубо перебиваю я.

– Мне это тоже известно, но пресса по-прежнему не оставляет тебя в покое, постоянно поднимая подробности случившегося и придумывая новые версии. – Мягкий голосок девушки просто сочится пониманием и добротой. – Не говоря уже о фанатах. До меня дошел слух, что в день, когда с тебя сняли обвинение в убийстве, толпа поклонников Мириам устроила настоящий дебош, едва не спалив твой дом, а через пару месяцев ты его продал одному из организаторов погрома, – озвучивает она известные всему миру факты из скандальных заголовков. – И никому из этих стервятников нет дела до того, что ты потерял гораздо больше, чем все они: любимую женщину.

– Я понял, это новая стратегия подката, – качнув головой, ухмыляюсь я. – Пожалеть, посочувствовать, в расчете на то, что собеседник разговорится, ляпнет лишнего и из этого можно будет раздуть новую сенсацию и продать подороже.

– Если бы я хотела заработать на сенсации, то давно бы выставила на аукцион письма Мириам. – Бросив на меня разочарованный взгляд, девушка снова трясет передо мной зло-счастной пачкой конвертов.

– Рассчитываешь, что с меня возьмешь больше? – с издевкой интересуюсь я. – Напрасно тратишь время. Мне абсолютно плевать, что в этих письмах, – продолжаю, глядя в охваченное негодованием лицо.

– Если бы это было так, ты не стал бы тратить усилия на словесную перепалку с обманщицей и охотницей за твоими деньгами.

– А может, мне скучно? – насмешливо улыбаюсь. – И я не прочь потратить усилия на обличение очередной аферистки?

– Знаешь, что я тебе скажу, Алан Флеминг... – возмущенно начинает Аннабель и осекается, внезапно растеряв весь запал. В выразительных глазах гаснет злость, оставляя место усталому равнодушию.

Сделав глубокий вдох, девушка разворачивается к надгробию и какое-то время молча смотрит на выгравированные слова эпитафии. Ее лицо теперь кажется отчужденным и закрытым, а поза – излишне напряженной. Наклонившись, она опускает стопку помятых конвертов рядом с моим букетом и отступает назад, не отводя взгляда от памятника.

– Я всегда удивлялась тому, как глубоко Мириам чувствует этот мир, который оказался к ней так жесток. – Поежившись, девушка прячет озябший нос в накрученный вокруг шеи шелковый платок. – До сих пор не верю, что ее больше нет. – Голос Аннабель неподдельно дрожит. – И никогда не поверю. Как и ты, наверное. Я заметила, что ты часто говоришь о Мири в настоящем времени. В этом трагедия всех, чьи близкие пропали без вести. Неопределенность... Она хуже яда, хуже смерти. Пустая могила никогда не заставит тебя принять решение суда. Она жива в твоей памяти и в твоих мыслях. *«Если бы мы умели жить сегодняшним днем, не оборачиваясь назад и не заглядывая в будущее, то открыли бы секрет вечности»*. Так много смысла в этих словах...

Я ничего не отвечаю, почему-то уверенный, что Аннабель и не ждет этого от меня, словно мы оба истощили свои силы на бессмысленный конфликт.

– Можешь не читать, но я уверена, что Мириам хотела, чтобы они хранились у тебя, – снова заговаривает Аннабель, подняв на меня непроницаемый взгляд. – Письма в любом случае твои, веришь ты в их подлинность или нет. Если захочешь задать вопросы или поговорить... о чем угодно, я буду рада. – Достав из сумки визитку, девушка кладет ее рядом с письмами, догадываясь, что я не возьму. – Не скажу, что знакомство было приятным, Алан. – Она натянуто улыбается. – Но я списываю твою грубость на объективные причины. Всего доброго, мистер Флеминг, и спасибо, что уделили мне время.

Попрощавшись, девушка поворачивается ко мне спиной и торопливо удаляется по узкой петляющей между надгробий тропе. Я не провожаю ее взглядом, хотя испытываю предательский соблазн сделать обратное. Вместо этого я смотрю на разбросанные ветром письма, среди которых есть совсем пожелтевшие от времени и сравнительно свежие. Холодный порыв воздуха внезапно поднимает над землей черно-белый снимок, и в следующее мгновение он впечатывается лицевой стороной в выбитое на камне имя.

Никогда не считал себя суеверным человеком, но мои пальцы дрожат, когда я отрываю фотографию от гранита и переворачиваю, чтобы взглянуть на запечатленное изображение.

На первый взгляд обычный семейный снимок. Кадр сделан в саду. Среди кустов с желтыми цветками на плетеном кресле расположился крупный мужчина с полной довольства улыбкой и благородной сединой на висках. Сбоку от него, положив руку на плечо супруга,

стоит молодая привлекательная женщина с густыми темными волосами. Она выглядит слегка отстраненной и задумчивой и по годам могла бы годиться своему мужу в дочери. На коленях главы семейства сидят две девочки лет пяти, которых он покровительственно придерживает за плечи. Они примерно одного возраста и похожи как сестры, обе с длинными косичками, одинаково тревожными взглядами и робкими, словно приклеенными улыбками. У той, что справа, разорван чулок на свезенной коленке и несколько прядей выбились из косы, а вторая выглядит идеально, словно только что распакованная кукла, и стоит мне сосредоточить на ней свое внимание, как образ первой девочки блекнет, а мысли о сходстве кажутся абсурдными и нелепыми. Я неотрывно смотрю на фарфоровую маленькую принцессу, вглядываясь в каждую черточку по-детски миловидного лица. Уже тогда она обладала необыкновенным гипнотическим свойством притягивать к себе взгляды всех, кто ее окружал.

К горлу подступает горький комок, а в груди образуется болезненная тяжесть, потому что у меня не остается сомнений в подлинности этого снимка. Одна из девочек, без сомнений, Мириам Флеминг, моя жена, чьи детские фотографии мне доводилось лицезреть пару раз, когда на Мири нападали приступы ностальгии. А другая, по всей видимости, Аннабель, приходящаяся Мири двоюродной сестрой, и, вероятно (но не наверняка), именно она только что сбежала от меня в неизвестном направлении.

Других запечатленных на фотографии родственников я тоже узнал. Родители моей жены, Камерон и Трейси Бенсон. Трейси покинула этот мир, когда дочери только исполнилось девять. Женщина неудачно упала с лестницы и умерла в больнице, так и не придя в сознание. Это официальная версия. Моя жена рассказывала совсем другую историю. В тот день, когда умерла ее мать, произошла чудовищная трагедия. Полуторагодовалый брат Мириам – Кевин – утонул в пруду. Никого рядом не оказалось, и спасти ребенка не удалось. Трейси Бенсон, не справившись с горем, сама бросилась с крутой лестницы. А отца Мириам – Камерона Бенсона – несчастье постигло сравнительно недавно. Спустя пару недель после исчезновения дочери. По роковой случайности он рухнул с той же лестницы, что и его жена много лет назад, но чудом остался жив, хотя то существование, что он влачит сейчас, очень сложно назвать жизнью. Полученные травмы повлекли за собой парализацию практически всех частей тела. Шансов, что Камерон когда-нибудь снова встанет из инвалидной коляски или хотя бы заговорит, практически нет. Но Бог пощадил отца Мириам, оставив невредимыми зрение и сознание. Хотя я бы не назвал это большим везением. По-моему, это настоящее проклятие – иметь разум и зрение, но не владеть собственным телом и коротать свои дни на больничной койке в доме престарелых под наблюдением медсестер и сиделок.

Еще раз взглянув на снимок, я убираю его в карман и, присев на корточки, собираю разлетевшиеся письма. Последней подбираю оставленную визитку, задерживаясь на отпечатанной на ней информации.

Аннабель Одли

Агентство недвижимости «Альтернатива»

*Номер 537******

– Что ж, Эни, похоже, что скоро у меня появится для тебя очень выгодный заказ. – Ухмыльнувшись, я засовываю карточку вместе с кипой писем в карман.

Закурив сигарету, лениво выпускаю кольцами сизый дым, задумчиво глядя в нахмурившееся небо. Солнце бесследно исчезло за сгустившимися тучами, предвещающими холодный и дождливый вечер. Самое время навестить моего несчастного тестя. В такую мерзкую погоду ему наверняка особенно тоскливо и одиноко. Я – единственный, кто у него остался, и мне совершенно не сложно заезжать к старику пару раз в неделю, чтобы поговорить о Мириам. Точнее, говорю я, и, хотя Камерон не может мне ответить, я вижу по его испещренному морщинами лицу, что он меня отлично понимает.

Глава 2

США. Огайо

Аннабель Одли

– Рокки совсем взбесился, пап.

Забежав в небольшую прихожую, Аннабель стряхивает с волос капли дождя и вешает вымокший плащ на плечики. Зябко ежится, разматывая влажный шарф. В квартире пахнет чем-то вкусным и горячим, отчего ее желудок издает характерное урчание. Скинув сапоги, девушка задерживает оценивающий взгляд на своем отражении. Скорчив недовольную гримасу, она раздосадовано вздыхает. Удручающее зрелище. Мокрая мышь с гнездом на голове.

Вот так всегда – в те дни, когда хочется выглядеть стильной и уверенной в себе, происходит погодный коллапс, и все усилия по приукрашиванию собственной внешности летят к чертям собачьим.

– Что он опять натворил? – отзывается с кухни сипловатый голос Райана Одли. Разумеется, он имеет в виду своего спятившего кота.

– Представляешь, поднималась по лестнице, а Рокки выскочил навстречу и вцепился в мой сапог. – Анна шлепает босиком на кухню, откуда доносятся аппетитные ароматы. – Может, мне его ветеринару показать? – предлагает она из самых лучших побуждений.

– Были мы там месяц назад. Тринадцать лет – серьезный возраст для британцев. Стареет мой лохматый друг, – с печалью отвечает отец, снимая с плиты сковородку, и оглядывается через плечо. – Будешь яичницу с беконом?

Анна окидывает отца обеспокоенным взглядом. Райан неважно выглядит, вытянутая футболка и спортивные штаны не скрывают болезненной худобы. Нездоровый цвет лица, мешки под глазами, седая щетина на обвисшем подбородке... Если бы она только знала, что дела обстоят так плохо, то приехала бы гораздо раньше.

Анна появилась на свет, когда Райану Одли было далеко за тридцать, и на ее памяти отец никогда не был моложавым и поджарым мужчиной, но сейчас даже невооруженным взглядом было заметно, как он сильно постарел. Месяц назад врачи поставили отцу Аннабель предынфарктное состояние, и это был очень весомый повод, чтобы она решилась на пару месяцев бросить все свои дела в Канаде и приехать в Дейтон. Слава богу, ее босс Эван Янг пошел навстречу прилежной и ответственной сотруднице и даже выписал небольшие отпускные. Отцу тоже пришлось временно оставить свою должность учителя географии в местной школе, где он преподавал больше тридцати лет, и всерьез заняться своим здоровьем.

Анна приехала с целью лично проследить, как отец выполняет предписания врачей. У Райана уже был один инфаркт, после которого он долго восстанавливался. Отец – единственный близкий ей человек на всем белом свете, и если Анна потеряет его, то останется совсем одна, а этого никак нельзя допускать. Ей становилось физически больно от мысли, что рано или поздно этот день все равно настанет.

– Конечно. Целый час добиралась. Голодная как черт, – вспомнив о вопросе, непринужденно соглашается Аннабель, проходя к раковине, чтобы сполоснуть руки. – На обратном пути такой ливень рванул – думала, не доеду.

– Я говорил, что ты зря все это затеяла, – назидательным тоном выговаривает мистер Одли.

– Пап, не начинай. Я знаю, что делаю.

Мужчина ничего не отвечает, но всем видом выражает молчаливое недовольство. Вытерев ладони бумажным полотенцем, девушка помогает отцу накрыть на стол, испытывая стыд за то, что ему снова пришлось готовить для них обоих.

– Как на этот раз прошло? – интересуется отец, когда они наконец усаживаются за стол.

В ответ Анна неопределенно пожимает плечами, разрезая ножиком бекон на маленькие кусочки. Ее взгляд случайно натывается на пепельницу на подоконнике, а потом перемещается на приоткрытое окно.

– Пап, ты снова куришь? Тебе же нельзя! – восклицает она, с упреком глядя в морщинистое лицо.

– Я обещал, что брошу, но не за один же день, – оправдывается Райан. – Так как с Флемингом? Видела его?

– Ага, – с наигранной небрежностью отзывается Аннабель. – У него что-то вроде ритуала по пятницам. Приходит в одно и то же время, кладет на могилу букет желтых роз, выкуривает две сигареты и сваливает.

– Ты снова струсил? – Отец останавливает на дочери внимательный взгляд.

– Почему сразу струсил? – возмущается Анна, запихивая в рот сочный кусочек мяса.

– Ну а как это называется? Гоняешь туда чуть ли не каждый день и молча наблюдаешь в сторонке.

– Мне нужно было настроиться, – прожевав, объясняет девушка. – Не так просто подойти к незнакомому мужчине и отдать ему письма его жены, написанные двоюродной сестре, о существовании которой он даже не подозревал.

– С чего ты вообще вбила в свою голову мысль, что они ему нужны? – рассуждает Райан Одли.

– Он почти то же самое у меня спросил, – с досадой признается Анна. – Практически слово в слово.

Отец прекращает жевать. Морщинки прорезают его высокий лоб, а в глазах появляется напряжение.

– Не поверил? – предполагает мистер Одли.

– Не-а, – угрюмо качает головой его дочь, и оба тяжело вздыхают. – Решил, что я журналистка, шантажистка, врунья и самозванка.

– Ничего удивительного. – Положив вилку и чуть отодвинув тарелку, Райан разводит руками. – На его месте я бы тоже так подумал.

– Ты, вообще, на чьей стороне, пап? – негодует девушка. – Он вел себя как настоящий хам, еще и кайф словил от моего унижения. А ты его защищаешь?

– Никого я не защищаю, Анна. Я с самого начала предупреждал, что так и будет. По Алану Флемингу катком не проехался только ленивый, и странно ожидать от него какой-то другой реакции. Могла бы просто отправить чертовы письма посылкой. Зачем тебе далась эта личная встреча?

– Куда? Ты знаешь точный адрес? Я – нет.

– Брось, Анна, все ты знаешь. Конечно же, он остановился на ферме Бенсонов. Не из Нью-Йорка же он мотается сюда по пятницам, чтобы положить цветы на могилу жены.

– Это только твое предположение, – возражает Анна. – Мири ненавидела ферму и никогда бы туда не вернулась по собственной воле.

– Но тем не менее она назвала свою книгу «Индиго», – вставляет отец.

– Книгу о проклятом доме, пожирающем души своих обитателей, – напоминает она. – То, что названия книги и фермы, где она родилась и выросла, совпадают, лично мне кажется по меньшей мере странным.

– Книгу я не читал, но у Мириам наверняка было очень богатое воображение, иначе ее дебютный роман не пользовался бы бешеным успехом. – Райан снова придвигает к себе тарелку и берется за приборы. – Лучше подумала бы о себе, Анна. Ты, кажется, собиралась искать работу.

– Я неплохо зарабатываю, пап. У меня есть сбережения, и их хватит и на оплату счетов, и на твоё лечение. Поэтому я не спешу. Время в запасе есть, и я хочу потратить его на благое дело, даже если один высокомерный тип считает меня расчетливой аферисткой.

– Откуда ты знаешь, что это дело действительно благое? – Внимательный взгляд отца изучающе скользит по сосредоточенному лицу дочери. – Столько времени прошло. Почему именно сейчас? – добавляет Райан, не дождавшись ответа на первый вопрос.

– Все это... и её исчезновение сразу после выхода книги наводят на подозрения, – путано объясняет Аннабель. – Люди не пропадают бесследно из собственного дома, не оставив никаких следов.

– Нью-Йорк – огромный город, Анна, и там каждый день исчезают люди при не менее странных обстоятельствах. Суд признал её умершей после трех лет безуспешных поисков. Это нужно просто принять, а не гоняться за призраками. – Отец протягивает ладонь и накрывает побелевшие от напряжения пальцы дочери, сжимающие скомканную салфетку. – Почему сейчас? – настойчиво повторяет он.

– Потому что я вернулась, пап. Я много лет пыталась забыть дом Бенсонов и все, что с ним связано, как и Мири... Мы обе сбежали оттуда, и отнюдь не от призраков.

– А от чего?

Девушка нервно вздыхает и поспешно отворачивается, не в силах выдержать пытливый взгляд отца.

– Я не могу сказать, – коротко бросает она и резко встает из-за стола.

– Что в этих письмах, Анна? И почему ты так отчаянно хочешь, чтобы Алан Флеминг их прочел? Если они так важны, тогда тебе стоит отнести письма в полицию. Возможно, их можно использовать как улики.

– Нет, пап, – с сожалением качает головой упрямая дочь. – Там нет никаких доказательств или обвинений. Это скорее исповедь, но касается она только двоих людей. Мириам и её мужа.

– Я обязан спросить, Аннабель. – С тяжелым вздохом отец поднимает на дочь пристальный взгляд. – Ты считаешь, что Алан Флеминг каким-то образом причастен к исчезновению жены?

– Я понятия не имею, но уверена, что он знает больше, чем рассказал следствию.

– Тогда я тем более не одобряю какие-либо контакты между вами, – категорично заявляет Райан.

– Я не думаю, что Флеминг убийца, но допускаю, что он причастен к сокрытию её тела, – конкретизирует девушка предыдущее высказывание. – Судя по содержанию последних писем, Мириам находилась в сильнейшем стрессе. Могло произойти что угодно. Трагическая случайность, или Мири осознанно что-то с собой сделала, а её муж растерялся, запаниковал, решил, что обвинят его, и...

– Версию самоубийства расследовали в первую очередь, потому что Флеминг сам позвонил в службу спасения, заявив, что нашел тело жены в бассейне, – перебивает девушку отец. – И Алана действительно обвинили. Так какой смысл скрывать труп жены, а потом звонить в 911 и говорить, что нашел её мертвой?

– Главный вопрос в том, куда тело могло исчезнуть за пять минут, в течение которых наряд полиции добирался до их дома, – продолжает она начатую Райаном мысль. – И если бы Алан сам её убил, то не стал бы так глупо подставляться. Здесь у меня тоже ничего не сходится.

– В любом случае, виновен этот человек или нет, ты не должна с ним встречаться, – подводит итог мистер Одли.

– Прости, пап, но это не тебе решать. – Анна виновато улыбается. – Не переживай, ничего плохого со мной не случится. Я буду максимально осторожна, – обещает она, собирая посуду. – Иди отдохни, а я тут все помою.

– Легко сказать отдохни... – недовольно ворчит отец. – После всего, что ты тут мне наговорила.

– Извини, я не хотела тебя волновать, – искренне произносит Анна. Подойдя к отцу, она порывисто его обнимает. – Даю слово, что ничего плохого со мной не случится.

– Хотелось бы верить, Анна, – сглотнув, тихо произносит Райан Одли, поглаживая дочь по растрепавшимся волосам. – Но еще больше я хочу, чтобы ты держалась подальше от всего, что связано с Бенсонами.

Алан Флеминг

– Привет, Мегги, как сегодня себя чувствует мистер Бенсон?

Поприветствовав миловидную сиделку, я обращаю взгляд на неподвижно сидящего в инвалидном кресле тестя.

Парализованное грузное тело Бенсона зафиксировано специальными ремнями, что со стороны выглядит весьма специфично и жутковато, но это вынужденная мера. Самостоятельно он бы не продержался в сидячем положении и пары секунд.

– Здравствуйте, мистер Флеминг, – расплывается в улыбке Мегги. – Состояние без изменений. Мы как раз собирались на прогулку.

– Можно я сам прогуляюсь с Камероном?

– Конечно, – торопливо соглашается девушка. – Ой, мне кажется, мистер Бенсон узнал вас, – делится она своими наблюдениями.

– Знаете, Мегги, я тоже стал замечать, что Кэм немного оживает, когда я прихожу. – Тепло улыбнувшись, перевожу внимание на старика, чей стеклянный взгляд устремлен сквозь меня. В его ярко-синих глазах, не съеденных болезнью, еще теплится жизнь, хотя она и омрачена мучительными страданиями.

– Это так благородно, что вы приходите сюда, чтобы навестить своего тестя, – щебечет Мегги. – Для каждого нашего пациента мы делаем все возможное, чтобы их дни проходили в чистоте, сытости и внимании персонала, но нет ничего более ценного, чем любовь и забота близких. Это то, чего все они ждут, даже если не способны сказать о своих чувствах вслух.

Искренние эмоции на лице сердобольной сиделки вызывают у меня двойственные чувства. С одной стороны, похвально, что за время работы в доме престарелых девушка не ожесточилась, а с другой – подобная отдача может очень быстро морально выпотрошить человека. Все пациенты Мегги рано или поздно умрут, и от этого удручающего фактора никуда не деться.

– Я всего лишь выполняю свой долг, Мегги, – отзываюсь я, забирая у девушки бразды правления на удивление маневренной инвалидной каталкой. – Моя жена хотела бы, чтобы я присматривал за ее отцом.

– Это верно. – В глазах медсестры появляется неловкое смущение, и я догадываюсь, что она успела начитать сплетен и лживых версий об исчезновении Мириам. – Мне очень жаль, что так получилось с вашей женой. Наверное, это ужасно – жить в неведении... Простите, я не должна была, – спохватившись, извиняется девушка.

Я сдержанно улыбаюсь, давая понять, что все в порядке.

– Благодарю за вашу доброту, Мегги, – вежливо произношу я, разворачиваясь к дорожке, ведущей в сторону искусственного пруда.

– Мистер Флеминг, я хотела еще сказать, – окликает меня Мегги. Остановившись, я оглядываюсь через плечо. – Я прочитала все ваши книги и была бы счастлива, если вы найдете время их подписать.

– Это очень мило с вашей стороны. Я с радостью оставлю свой автограф на каждой.

– Они уникальные, мрачные, захватывающие... Это чистая правда, – смущенно улыбается девушка. – У вас огромный талант, и то, что вы больше не пишете, большая потеря для ваших читателей.

– Спасибо, Мегги, – сдержанно благодарю. – Я верну вам пациента через полчаса в целости и сохранности. – И, кивнув на прощание, продолжаю толкать перед собой каталку с неподвижным Камероном Бенсоном.

Путь до заросшего тиной пруда занимает не больше трех минут. Ливень, заставший меня на кладбище, давно закончился, ветер стих, и из-за туч снова выглянуло холодное осеннее солнце. Я почти с наслаждением вдыхаю свежий, очищенный дождем воздух.

– Прекрасный день, Кэм, – делюсь своими впечатлениями с молчаливым спутником.

Остановив кресло перед деревянной скамьей с коваными перилами, разворачиваю его так, чтобы мы оба, и я, и Камерон, видели один и тот же пейзаж. Что может быть более умиротворяющим и успокаивающим, чем безмятежная гладь мутной воды, отражающей пожелтевшие и багряные деревья?

Присев на лавку, я задумчиво смотрю, как ветер шуршит сорванными листочками и, наигравшись, бросает их в пруд с покатыми берегов.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Бенсон. – Оглядевшись по сторонам и убедившись в отсутствии поблизости медицинских работников, достаю сигареты из кармана пальто. – Пруд в вашем саду был гораздо больше и чище. Моя жена рассказывала про лебедей и кувшинки. Жаль, что птицы больше туда не прилетают. – Чиркнув зажигалкой, медленно затягиваюсь, смакуя вкус табака. – Я подумываю о том, чтобы продать ферму. Надеюсь, ты не против. – Сделав паузу, смотрю на застывший профиль Камерона Бенсона.

Крупный крючковатый нос придает ему сходство с хищной птицей – это единственная черта от бывшего величия Бенсона, оставшаяся неизменной после того, как его разбил паралич.

– Учитывая сложную историю дома, это будет не очень просто сделать, – продолжаю рассуждать вслух. – Но у меня уже есть на примете отличный агент по недвижимости. Я почему-то уверен, что она справится и подберет семью, способную оценить дом по достоинству. Ты удивишься, но, оказывается, есть немало людей, готовых доплатить за привидения. А в твоём доме их навалом, Бенсон. И совсем скоро станет одним больше, – лениво выпуская дымные кольца в дрожащий от прохлады воздух, говорю я. – Не поверишь, кого я сегодня встретил.

Снова умолкаю, разглядывая одутловатое лицо. Подергивание полуопущенных век выдает Бенсона с головой.

– Тебе не терпится узнать? – догадываюсь я. – Аннабель Одли. Твоя очаровательная племянница. Оказывается, Мириам дружила с Аннабель. Знаешь, что самое неприятное в этой неожиданной встрече? Я принял близкую подругу и кузину жены за мошенницу, а девушка всего лишь хотела передать мне письма Мириам. – Наклонившись, я тушу окурочку о землю и потягиваюсь, разминая затекшие мышцы. – Представляешь, все эти годы, что они не виделись, Мириам регулярно писала Аннабель. Я успел прочитать только парочку. Хочешь послушать? – обращаюсь к безмолвному окаменевшему лицу Бенсона. – Я так и думал, что ты стораешься от любопытства! – Дружелюбно хохотнув, хлопаю старика по плечу и, достав из кармана смятую пачку, открываю самый верхний конверт. – Судя по проставленной в конце дате, ему больше десяти лет. Настоящая семейная реликвия, Кэм.

Расправив листок, я пробегаю взглядом по верхним строчкам, а потом начинаю читать вслух:

«Здравствуй, Эни.

Прошло так много времени после нашей последней встречи. Я пыталась написать тебе раньше, но никак не могла подобрать слова. Не знала, с чего начать, потому что понятия не имею, что тебе интересно и есть ли какие-то правила в написании писем. Ты первая, с кем я захотела поговорить вот так, при помощи листа бумаги и шариковой ручки. Это немного странно, правда?

Честное слово, Эни, я бы все отдала, чтобы снова тебя обнять. Я так сильно скучаю, что никаких слов не хватает. Не буду спрашивать, скучаешь ли ты так же сильно. Не хочу этого знать.

Перечитываю этот абзац и думаю, какая же я дуручка. Как всегда, начала не с того.

У меня все хорошо, Эни. И хотя лето выдалось очень душное, я много времени провожу на улице. Это помогает мне не думать о плохом.

Черт, кажется, я снова пишу какую-то глупость, и ты наверняка думаешь: какая она странная – моя глупая кузина Мириам, и я даже не буду с тобой спорить.

У меня есть для тебя фантастическая новость. Вчера я получила по почте ответ из Нью-Йоркского университета. Они приняли меня. Можешь в это поверить? Так что я смело могу заявить, что тебе пишет будущий графический дизайнер.

Ты же рада за меня? Я знаю, что да.

Считаю дни до начала учебы и молюсь, чтобы отец не узнал о моем зачислении раньше, чем я покину наш дом. Он никогда не примет мое решение. Никогда.

У меня уже все готово к отъезду, Эни, и мне ужасно страшно, что ничего не получится.

Эни, я всегда считала, что если есть что сказать, то просто говори, а не тратить впустую время собеседника. Прости, что мне понадобилось так много времени, чтобы признаться в том, как сильно я сожалею.

С любовью к тебе, Мириам».

– Трогательное письмо. Согласен со мной, Кэм? – Выждав паузу, я закуриваю снова. – Столько грусти и в тоже время надежды на светлое будущее. Меня мучает один вопрос, Бенсон. О чем же так сильно сожалеет моя жена? Ты мне вряд ли pomoжешь с поиском ответов, но теперь у меня есть новый источник информации. Аннабель Одли, – с выражением произношу имя девушки. – Она кажется мне очень милой, Кэм, и я с удовольствием поболтаю с ней еще раз.

Глава 3

Аннабель

Телефонный звонок застает Аннабель как раз в тот момент, когда она выходит на крошечный балкон, чтобы проверить почту. Ее сердце непроизвольно подпрыгивает в груди и замирает в тревожном предчувствии. На какую-то мизерную долю секунды в голове девушки проскальзывает подозрение, что это может быть Флеминг, но высветившееся на экране имя босса отменяет нелепые мысли.

– Привет, Эван, – отвечает она, ощутив необъяснимый укол разочарования. – Что-то случилось?

– Все в порядке, Аннабель, – заверяет Янг. – Твоему отцу лучше?

– Да... его состояние стабильно, но ему еще нужен уход, – настороженно отзывается девушка. – Эван, мы договаривались на два месяца. Из них прошло только десять дней.

– Я помню, Аннабель. Не волнуйся. Просто хотел узнать, не изменились ли твои планы?

– Нет. Я сообщила бы тебе в первую очередь.

– А как со свободным временем?

– Странный вопрос, Эван, – снова тревожится Анна.

– Мне только что поступил заказ на оценку и дальнейшую продажу старого особняка и примыкающих к нему владений. Условия более чем выгодные, – озвучивает Эван истинную причину своего звонка.

– Не понимаю, чем я могу быть полезна, находясь в другой стране, – искренне недоумевает Аннабель. – У тебя полно других риелторов, передай объект им.

– В том-то и дело, что территориально заказчик находится в Штатах. В Огайо, если точнее. Название фермы «Индиго» тебе ни о чем не говорит?

– Индиго? Ты уверен? – резко севшим голосом переспрашивает Анна.

– Это же где-то совсем близко с твоим городом?

– Да, но... – Девушка растерянно прерывается, хмуро уставившись на противно и протяжно орущего под окнами Рокки. – Заказчика зовут Алан Флеминг? – запоздало осеняет Аннабель.

– Вы знакомы? – почти не удивляется босс, а она почему-то чувствует себя смущенной, и даже кровь приливает к щекам.

– Совсем немного, – уклончиво отвечает Анна.

– Тогда все встает на свои места, – с энтузиазмом объявляет Эван. – Видимо, ты оставила ему нашу визитку.

– Да... – припоминает Аннабель, снова чувствуя легкое покалывание в области солнечного сплетения.

– Вот и отлично, что все так удачно сложилось, – удовлетворенно заключает босс. – Я тогда перешлю тебе по почте его контакты, а ты свяжись с этим Флемингом и обсуди детали. Оценка дома не займет много времени, а лишние деньги тебе сейчас не помешают.

– Флеминг действительно сказал, что хочет продать дом? – недоверчиво уточняет Анна, все еще не до конца осмыслив, что только что произошло.

– Ну да, а что-то не так? – В голосе Эвана Янга появляются обеспокоенные нотки.

– Нет, все нормально, – поспешно заверяет Анна, потирая занывшую переносицу. – Отправляй мне контакты. Я позвоню ему прямо сейчас.

– Мне показалось или ты действительно чем-то расстроена? – осведомляется неравнодушный босс.

– Просто был тяжелый день. Устала, Эван, – объясняет она. – Спасибо за беспокойство.

– Ты мой лучший агент, Одли, и я хочу, чтобы ты вернулась ко мне здоровой и полной сил.

– Так и будет. – Губы девушки трогает легкая улыбка. – Ты лучший в мире начальник, Янг.

– На том и порешим, – смеется в рубку Эван. – До связи, – прощается он и завершает звонок.

Буквально минуту спустя раздается характерное пиликанье, оповещающее о новом входящем сообщении. Аннабель с досадой закусывает губу, какое-то время задумчиво рассматривая номер Флеминга.

Почему он передумал? Все-таки прочитал письма и захотел поговорить? Но почему не позвонил напрямую? Зачем тратил время на поиск реквизитов агентства и связывался с ее шефом? Для чего придумал повод с оценкой дома, который ему не принадлежит?

В любом случае гадать бессмысленно, если можно просто позвонить.

Решившись, Анна набирает указанные цифры и почти не дышит от волнения, пока в динамике раздаются длинные гудки.

– Слушаю, – отвечает низкий мужской голос, когда она уже собирается сбросить вызов.

По ее рукам и спине пробегает стадо оголтелых мурашек, а к щекам снова приливает жар. Это страх или что-то другое? Может быть, волнение? Или любопытство? Определить пока сложно. Аннабель несколько недель не решалась подойти к Флемингу на кладбище, а просто смотрела издали, мысленно репетируя речь. Сейчас у нее нет на это ни секунды, а слова, как специально, застревают в горле, и девушка дико злится на свою глупую реакцию.

Не убьет же он ее, в конце концов! Тем более она уверена, что Флеминг не убийца. Ну как уверена... Вина его не доказана, а значит, предположительно это мог быть кто-то другой. Или не мог. Черт, так недолго и с ума сойти.

– Это Аннабель Одли, – представляется она полным именем, презирая себя за дрожащий голос.

– Твой босс не теряет времени даром. Я не ждал звонка раньше завтрашнего утра, – с уже знакомой ей бесцеремонностью отзывается собеседник. – Когда и где мы сможем встретиться? – переходит он сразу к делу.

– Ты же не продаешь ферму Бенсонов, – уверенно бросает Аннабель.

– Пока я только хочу узнать рыночную стоимость, – невозмутимо поясняет мужчина. – Все интересующие тебя нюансы мы сможем обсудить лично. Если хочешь, сделаем это прямо сейчас. Я недалеко от Дейтона и могу подъехать в любое место, которое ты назовешь. Кстати, я не против познакомиться с дядей Мириам. Родня жены – моя родня.

– Уже поздно, – растерянная неожиданным напором мужчины, бормочет Анна, испуганно оглядываясь на окна квартиры. Ничего не подозревающий Райан Одли, выпив свои вечерние лекарства, дремлет в кресле перед включенным телевизором.

– Смотря для чего, Эни, – ухмыляется Флеминг, словно намеренно выводя ее из себя. – Но мы вроде как разобрались с тем, что ты не расчетливая охотница за обеспеченными вдовцами, и так уж совпало, что мне действительно понадобился хороший агент по недвижимости. Так почему бы нам не совместить полезное... с полезным. Я не поленился ознакомиться с рейтингом агентства, который оказался выше среднего, и твой шеф произвел впечатление надежного человека. Дело только за тобой. Что скажешь, Эни?

Так много слов в минуту. Он специально это делает или у него такая манера общения со всеми? Заболтать собеседника так, чтобы тому оставалось только соглашаться и кивать. Он же писатель, в конце концов, хоть и бывший, слова – это его работа. Или бывших писателей не бывает?

Аннабель цепляется свободной рукой за балконное ограждение, до болезненного напряжения стискивая пальцы. Эни... Он назвал ее Эни, внезапно доходит до девушки. Так обращалась к ней только Мири.

Алан Флеминг читал письма...

Закрыв глаза, она делает глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. Мириам никогда не тряслась перед сложностями. Она была стойкой, смелой и терпеливой. Аннабель тоже сможет. Должна.

– Хорошо, давай увидимся, – собравшись с мыслями, почти уверенно соглашается Анна.

– Отлично. Где и когда?

– Через полчаса, гриль-бар «Смоки». Знаешь такой?

– Навигатор знает, – усмехнувшись, отвечает Алан. – До встречи, Эни.

* * *

Аннабель не стала специально принаряжаться для встречи с Флемингом, остановив свой выбор на обычных джинсах и футболке, поверх которой надела объемное худи теплого кремового оттенка, на ноги – удобные кроссовки (на случай если придется бежать). Волосы собрала в высокий хвост на затылке, но зачем-то подкрасила губы и сделала пару взмахов кисточкой туши по длинным ресницам.

Взглянув перед выходом на свое отражение в зеркале, она в последний момент останавливается и стирает помаду салфеткой.

Пусть этот самоуверенный павлин не думает, что она хочет ему понравиться!

Аннабель вдруг замирает, изучая свое встревоженное бледное лицо.

«А чего ты хочешь на самом деле, Эни?»

Девушка вздрагивает, словно наяву услышав голос Мириам. Вкрадчивый, неторопливо-певучий, обволакивающий каким-то необъяснимым гипнотическим воздействием. Ощутив, как волоски на затылке встают дыбом, а плечи покрываются инеем, Анна резко оглядывается, почти готовая встретиться лицом к лицу с призраком, и подпрыгивает от неожиданности, схватившись за бешено колотящееся сердце.

– Папа, боже. Ты меня напугал, – выдыхает с облегчением, глядя на стоящего в проеме гостиной отца.

– Ты куда-то уходишь? – пригласив взъерошенные волосы, интересуется Райан Одли.

– Прогуляюсь немного перед сном, – лукавит она, чтобы зря не тревожить отца. – А ты ложись и не жди меня. Я не заблужусь.

Чмокнув Райана в щеку и прихватив свою сумочку, Аннабель быстро ретируется из дома.

У подъезда девушку ждет еще одна неприятная встреча с Рокки, явно настроенным против ее присутствия в доме. Вот же старый ревнивец.

– Дай пройти, иначе нажалуюсь твоему хозяину, – угрожает девушка. Прижав уши, мохнатый британец недовольно урчит, поколачивая по асфальту хвостом, но все-таки, словно вняв угрозам, нехотя отходит в сторону. – Я куплю тебе вискас, Рокки, и мы начнем все сначала, – рассмеявшись, обещает Анна своему равному отцовскому коту и быстрым шагом направляется на другую сторону улицы.

Пара минут, и она на месте. Девушка выбрала бар «Смоки» из-за непосредственной близости к дому. Неоновая вывеска видна из окна квартиры, и, если разговор с Флемингом затянется допоздна, не так страшно будет возвращаться домой по темноте.

Приближаясь к главному входу, Анна мимоходом замечает, что на стоянке совсем мало машин. В будний день нет большого наплыва посетителей. С одной стороны, это хорошо: в зале будет тихо и немногочисленно, а с другой – в толпе как-то спокойнее.

Сосчитав до пяти и сделав глубокий вдох, Аннабель смело тянет на себя дверь бара и уверенно заходит внутрь. Поздоровавшись с администратором и коротко сообщив, что ее ждут, девушка быстро оглядывает помещение.

Как и предполагалось, занята от силы четверть столов, еще пара человек выпивает за барной стойкой. Официанты лениво расхаживают по залу, на плазменных экранах под самым потолком транслируется какой-то спортивный матч, до которого никому из присутствующих нет никакого дела. Мужчина за крайним столиком поднимает вверх руку, привлекая ее внимание, и Анна снова трусливо застывает на месте, с недоумением уставившись на Алана Флеминга.

Без пальто и в простой повседневной одежде он выглядит совсем иначе, и, если бы они столкнулись на входе минуту назад, Аннабель бы вряд ли его узнала. Но удивило ее даже не то, как смена стиля может изменить внешнее восприятие человека, а то, что они оделись почти одинаково. Джинсы, кроссовки и безразмерная толстовка, только цвет не бледно-кремовый, а насыщенный индиго. «Мне бы такой пошел. Под цвет глаз...» – проскакивает у Аннабель в голове, пока, нацепив дежурную улыбку, она деловитой походкой приближается к столику.

– Ты пришла раньше, – взглянув на наручные часы, непринужденно замечает Флеминг, когда Анна садится напротив. – На целых три минуты. Обычно девушки опаздывают.

– Мы же не на свидании, – парирует Аннабель со всей холодностью, на которую способна.

– Разумеется. У нас чисто деловой разговор. – Он широко улыбается, и Аннабель замечает легкую мышечную асимметрию его лица. Один уголок губ ниже другого, что придает улыбке насмешливый оттенок, ямочка на щеке только с одной стороны и правое веко словно не участвует в улыбке и при моргании закрывается не синхронно со вторым. На кладбище она была слишком взволнована, чтобы обратить внимание на этот дефект, хотя не сказать, что он его сильно портит. Скорее наоборот, заставляет присматриваться.

– Последствия микроинсульта, – невозмутимо объясняет Флеминг, заметив ее изучающий взгляд на своем лице.

– Извини, я не должна была пялиться, – смущенно бормочет Анна.

– Все в порядке. Можно сказать, отделался легким испугом, но некоторые мышцы так и не восстановились.

– Давно это случилось? – спрашивает Аннабель, не удержавшись от любопытства.

– Пять лет назад. – Улыбка ускользает из его внимательных глаз, оставаясь только на губах. – Мири не писала тебе об этом?

– Нет, не припомню, – на секунду задумавшись, честно отвечает Анна.

– Ну и ладно. Что будешь пить? – Подозвав официанта, Флеминг бросает на Аннабель выжидающий взгляд.

– Чай... или содовую. – Растерявшись, она хватается за меню, которое Алан решительно у нее забирает.

– Две порции свиных ребрышек поострее и два пива, – озвучивает он заказ подоспевшему официанту.

– Десять минут ожидания, сэр. Пиво подать сразу? – вежливо уточняет молодой человек в фирменной униформе.

Флеминг утвердительно кивает. Гарсон удаляется, а Аннабель, не скрывая недовольства, смотрит на наглую физиономию своего спутника на этот вечер.

– Расслабься, Эни. Я не кусаюсь, – невозмутимо отвечает он на ее зрительный мятеж. – Сейчас ты слишком зажата, и, если это не изменить, конструктивного диалога у нас не получится. Бокал пива настроит тебя на правильный лад.

– Ты всегда говоришь как персонаж из книги?

– Как именно? – уточняет собеседник, ничуть не оскорбившись.

– Выстроенные фразы, правильно подобранные слова, идеальная дикция... – перечисляет Аннабель.

– Возможно, ты не в курсе, но я учился на журналиста, – объясняет Флеминг, дергая сигарету из лежащей на столе пачки. Один из главных недостатков этого бара – здесь можно курить. – В программу входили курсы ораторского мастерства. Они необходимы выпускникам, планирующим работать на телевидении.

– На кладбище ты дал понять, что на дух не выносишь все, что связано с журналистикой, – припоминает Анна.

– А это уже приобретенное, – ухмыляется Флеминг, затягиваясь сигаретой. – Возвращенное на личном опыте, так сказать.

Анна не успевает ничего ответить. К ним снова подходит официант с подносом. Пока он выставляет на стол кружки с пенным напитком, Аннабель продолжает украдкой рассматривать мужа своей исчезнувшей кузины.

Очень странно, что, несмотря на то, что почти все последние письма Мириам были посвящены супругу, она не упомянула вот уже о двух немаловажных моментах. Если изначально, собираясь встретиться с Аланом Флемингом, Аннабель была уверена, что практически все о нем знает, то теперь ей кажется, что Мири описывала совсем другого человека. Это сильно настораживает, если не сказать – пугает.

Сам же Флеминг выглядит абсолютно расслабленным и явно чувствует себя вполне комфортно рядом с малознакомой девушкой. Есть еще один тревожный аспект, не дающий Анне покоя: мужчина, сидящий напротив, абсолютно не похож на скорбящего вдовца. И даже когда говорит о Мириам, в его словах не слышится печаль или горечь. Сами собой напрашиваются два варианта: он давно пережил свою утрату или просто хороший актер.

Но что, если есть третий вариант?

Мириам всегда писала только о своих чувствах и переживаниях. Любящие женщины склонны к приукрашиванию некоторых черт своих избранников. Представления Мири о муже и его истинном отношении к ней могут быть искажены и необъективны.

– Где ты витаешь, Эни? – окликает девушку объект ее размышлений. – Ты же не против такого обращения? – добавляет он чуть тише.

– Ты подсмотрел его в письмах. – Анна заставляет себя улыбнуться и, взявшись за ручку кружки, двигает ее ближе к себе. Она целую вечность не пила пиво. И стоит ли начинать?

– Я прочитал только одно, – подтверждает Флеминг озвученную догадку. – Не уверен, что хочу заглядывать в остальные.

– Почему? – Анна поднимает на него вопросительный взгляд.

– Я уже объяснял, – холодно отрезает Флеминг. – Ты так и не ответила: я могу называть тебя Эни?

– Да, конечно. – Аннабель равнодушно пожимает плечами и вспоминает с толикой грусти: – Мириам не любила длинные имена.

– Это заметно по тому, как она назвала главных героев своей книги, – сделав два больших глотка напитка, отзывается Флеминг. – Тим и Тея.

– Почти как инь и ян, – добавляет Анна и быстро меняет тему: – Если письма Мириам тебя не интересуют, вернемся к деловому вопросу. Так что с домом?

– А что с ним? – Мужчина иронично выгибает левую бровь.

Наверняка с правой он проделать то же самое не сможет, размышляет Аннабель. Так удивительно и несправедливо, что некоторых мужчин внешние недостатки делают только привлекательнее, в то время как женщины сходят с ума из-за любого мелкого дефекта. Хотя Алана Флеминга и нельзя назвать ослепительно красивым мужчиной, но в нем есть какая-то необъяснимая энергия, вынуждающая женщин оглядываться ему вслед. Он высокий, атлетически сложенный, уверенный в себе, со вкусом одет, безусловно умен и начитан, но не это главное.

Его хочется слушать, рассматривать, пытаться понять, что скрывается за непробиваемым самоконтролем, приправленным снисходительной иронией. Его хочется разгадать... Да, это оно. Тайна. Он определенно что-то скрывает. Не только от других, но, возможно, от самого себя. Что-то опасное... или возбуждающее.

А еще Аннабель никогда не видела таких темных пронзительных глаз. Почти черных, как обсидианы, с трудно различимыми зрачками. Они не выглядят жуткими, а, наоборот, завораживают, поглощают, словно проникая вглубь сознания. Не об этой ли затаившейся тьме писала Мириам?

Черт, о чем она вообще думает?

Тьма, тайна, возбуждение?

Очнись, Анна. Этот парень, возможно, имеет отношение к гибели жены, а ты распускаешь на него слюни, как полная идиотка.

– Эй.

Она вздрагивает, почувствовав прикосновение теплых пальцев к своему подбородку.

Все ее мышцы разом превращаются в желе, девушка застывает вместо того, чтобы отпрянуть или остановить мужчину. Распахнув глаза, Аннабель завороченно смотрит, как Флеминг придвигается ближе. Черные глаза буквально парализуют ее, лишая каких-либо мыслей, выключая даже инстинкт самосохранения.

– Хочешь, поедem в гостиницу? – Наклонившись, мужчина почти касается кончиком носа ее виска, и Анна улавливает его аромат. Он пахнет как океан. Соль и ветер. Опасная стихия, смертоносная глубина... – Ты так смотришь, Эни, словно тебе сейчас это жизненно необходимо.

«Опасность!» – наконец сигнализирует мозг Аннабель.

– Как ты смеешь? – Она резко подается назад, врезавшись лопатками в спинку стула. Щеки горят от возмущения, сердце того и гляди выскочит из груди, а уши пылают от гнусности сделанного только что предложения. Ей же не слышалось? Он действительно сказал про гостиницу?

– Я не настаиваю, Эни. Нет так нет, – равнодушно произносит Алан Флеминг.

Часто моргая, Анна ошарашенно наблюдает, как он невозмутимо возвращается в исходную позицию и спокойно продолжает пить свое пиво. Ни малейшего раскаяния на наглой физиономии, словно для него в порядке вещей предложить секс первой встречной.

Анна сжимает колени под столом, с ужасом осознав, что, несмотря на шок и негодование, она дико возбуждена, и этот бесцеремонный аморальный тип наверняка видит ее насквозь, иначе не сказал бы, что она нуждается в...

Боже, какой стыд, Анна! Мириам бы выпарапала тебе глаза, узнав о твоих грязных мыслях в адрес ее мужа.

Проклятые письма. Все дело в них, тут же находит себе оправдание Аннабель. Мири была весьма откровенна, рассказывая о своей насыщенной сексуальной жизни с мужем. Анна не раз краснела, читая самые интимные подробности, считая их излишними и необязательными, но тем не менее не могла оторваться от чтения.

– Я ухожу!

Девушка вскакивает как раз в тот момент, когда к ним снова подходит официант с двумя порциями ребрышек. Она едва не сносит его с ног, умудрившись опрокинуть на себя баночку с соусом. Несчастный парень составляет тарелки на стол и начинает остервенело оттирать пятно от кетчупа на толстовке Анны.

Засранец Флеминг едва сдерживает смех, с интересом наблюдая за происходящим. Анна чуть не плачет от смущения и досады, а официант все сильнее размазывает томатную кляксу.

– Все в порядке. Спасибо. Дальше я сама.

Спровадив бедолагу, девушка с тяжелым вздохом плюхается на свое место и, взяв двумя руками тяжелую кружку, делает ровно столько жадных глотков, на сколько хватает ее дыхания.

– Успокоилась? – с дружелюбной улыбкой интересуется Алан.

– Нет, – честно признается она, вытирая салфеткой пену с верхней губы.

– Аннабель, химия возникает между людьми вне зависимости от того, хотят они этого или нет. Они могут друг другу даже не нравиться, но их все равно будет тянуть в горизонтальную плоскость, – рассуждает Флеминг, как будто речь идет о чем-то банальном и обыденном. – Это самый естественный в мире процесс, и в твоем возрасте подобная реакция выглядит странной.

– Меня никуда не тянет, – поджав губы, упрямо бросает Анна.

– Ладно, забыли, – капитулирует Алан. – Может, тогда перекусим, а то ты разожгла во мне нешуточный аппетит. – Все-таки не сдержавшись, он игриво подмигивает вспыхнувшей от смущения девушке. – Ну, а потом вернемся к нашему «деловому» разговору.

Флеминг как ни в чем не бывало принимается за еду, обглаживая ребрышки с такой жадностью, словно его и правда год не кормили. Анне же кусок в горло не лезет, но она заставляет себя проглотить пару ломтиков мяса, предварительно отпилив их с помощью ножа и вилки от кости. Игнорируя ироничный взгляд Флеминга, девушка запивает острую пищу парой глотков пива.

– Повара переборщили со специями, – комментирует она, отодвигая свою почти нетронутую тарелку.

– По-моему, все как надо. – Мужчина невозмутимо пожимает плечами и расправляется с остатками и ее порции тоже. После чего заливает все съеденное пивом и, откинувшись назад, сыто улыбается. – Я тоже редко бываю в подобных местах и обычно ем совсем другую пищу, но иногда дико хочется чего-то острого и вредного, – зачем-то сообщает он. – Кстати, ты сама выбрала заведение.

– В меню есть кофе, – хмуро замечает Анна, снова начиная нервничать под изучающим мужским взглядом. – Так тебе нужна оценка дома или нет?

– Ты же здесь не за этим, Эни, – окинув ее пронизательным взглядом, заявляет Флеминг.

– Идея принадлежала тебе, – напоминает она.

– Я и не отказываюсь от заказа. – Он переходит на деловой тон. – Меня интересует стоимость всех объектов недвижимости, принадлежащих Камерону Бенсону. Ферму необязательно продавать как единый объект. Земли можно разделить, а амбары, производственные цеха и конюшня пойдут на реализацию в первую очередь. Пустующий семейный особняк я выставлю последним. Расценки за услуги мне неизвестны, но я полностью тебе доверяю. Поэтому можешь составлять договор оценки и приступать непосредственно к выполнению.

– Пустующий? – уточняет Анна. – То есть ты не живешь в доме Бенсонов?

– Там никто не живет с тех пор, как Камерон переехал в дом престарелых, – быстро отвечает Алан. – Я пытался его сдавать, но у особняка дурная слава, и никто из местных не готов поселиться там даже бесплатно.

– Считаешь, дело в книге? – предполагает Аннабель.

– В книге? – переспрашивает он с искренним недоумением.

– Да, – кивает Аннабель. – В книге о проклятом доме, которую написала Мириам. Название говорящее, неудивительно, что поползли слухи.

– Это смешно, Эни. Книга – всего лишь творческий вымысел. Факты пугают сильнее страшных сказок. Все обитатели особняка мертвы или почти мертвы. Я поднял архивы и обнаружил, что никто из бывших хозяев не умер естественной смертью, сплошные несчастные случаи и трагические случайности. Но есть и обнадеживающие факты: никого из них не убили. – Мужчина мрачно улыбается. Наверняка специально, чтобы окончательно запугать Анну.

– Кроме Мириам, – вставляет девушка, пристально наблюдая за реакцией Алана.

– Это произошло не в доме Бенсонов, – не моргнув глазом, спокойно констатирует факт Флеминг. – И у суда нет неопровержимых доказательств того, что убийство действительно произошло.

– Камерон Бенсон покалечился точно так же, как его жена Трейси много лет назад: упав с лестницы. Совпадение? Еще одна случайность? – продолжает тему Анна.

– А ты считаешь, что ее дух подтолкнул старика? – усмехнувшись, любопытствует Алан, снова поражая Аннабель своей хладнокровной реакцией. Неопределенно передернув плечами, девушка переводит взгляд в окно.

– Ты же сам писал книги в хоррор-жанре, Алан, – потирая лоб, рассуждает Анна. – Ужасы, монстры, твари из ада, призраки и прочая дьявольщина – это же все твоя тема?

– Вот именно, – подтверждает он. – Поэтому я и не верю во всю эту ахинею, так как сам же ее и сочиняю.

– Логично, – устало улыбается Аннабель, снова взглянув на него.

– Я дольше и глубже многих обывателей литературного жанра вглядывался в бездну, и, если бы что-то такое существовало, я бы первым об этом узнал. Поверь на слово, никто ни разу не постучался мне оттуда. – Флеминг делает уморительно загадочное лицо, буквально вытянув из Аннабель первую за этот вечер настоящую улыбку. – Даже когда я был вусмерть пьян.

– Нашел чем гордиться. – Девушка неодобрительно качает головой.

– Ты ведь не читала ее книгу? – внезапно спрашивает Флеминг.

– Почему ты так решил? – Анна тут же напрягается, озадаченно сдвинув брови.

– Иначе ты бы знала, что речь там вовсе не о призраках и проклятиях.

– А о чем же?

– О любви, – прикуривая сигарету, с улыбкой отзывается Алан. – Как и все женские романы. А вся эта мистика не более чем декорации для абсолютно стандартного сюжета.

– Ты невысокого мнения о мастерстве Мириам?

– Напротив. Она использовала самые верные рычаги воздействия на читателя. Тебе стоит прочитать «Индиго», Эни, – уверенно произносит Флеминг. – И ты сама все поймешь.

– Я не любитель книг. Признаюсь, что и твои тоже не читала.

– Не страшно, Мири тоже не читала мои книги, – бесстрастно сообщает Флеминг, удивив девушку до глубины души.

– Ни одной? – недоверчиво уточняет Аннабель. Он отрицательно качает головой. – Совсем-совсем?

– Совсем-совсем, – с улыбкой подтверждает мужчина. – В этом вопросе Мириам была категорична и негибаема.

– Но почему? – недоумевает Аннабель.

– Она объясняла это тем, что боится оказаться в рядах моих фанатов, тогда ей придется ложиться в постель не с обычным мужчиной, а с автором кровавых ужасиков, мучаясь мыслями о том, не представляю ли я во время секса, как маньяк с бензопилой кромсает отставшую от пьяной компании блондинку, – охотно объясняет Алан.

– А ты представлял? – поперхнувшись, округляет глаза Аннабель.

– Иногда, – совершенно серьезно отвечает Флеминг. На лице девушки отражается неподдельный ужас, и его буквально разрывает от хохота. – Господи, Анна. Конечно нет. Это шутка, – давась от смеха, успокаивает он побледневшую трусиху. – Но ты ведь поверила, допустила подобную мысль, вот и Мири боялась именно этого.

– Если рассуждать в этом ключе, то она права, – соглашается Анна, все еще с подозрением косясь на Флеминга. – Если автор создает демонов, то, возможно, они есть в нем самом.

– Интересная мысль, – одобрительно кивает Алан, с каким-то новым выражением рассматривая неожиданно смутившуюся Аннабель.

– По поводу оценки... – Она решает снова повернуть разговор в деловую сферу. – У тебя есть полномочия распоряжаться недвижимостью Бенсонов? Меня интересует документальное подтверждение твоих прав.

– Я законный муж единственной наследницы Камерона Бенсона, и, следовательно, все права после того, как суд признал Мириам умершей, перешли ко мне.

– Но Бенсон еще жив, – возражает Анна.

– Это вопрос времени. Врачи прогнозируют ему не больше года. Старик недееспособен, Эни, и я официально распоряжаюсь всем его имуществом.

– Но продать ты ничего не сможешь, пока не вступишь в права наследования, – настаивает мисс Одли.

– Этот нюанс каким-то образом мешает мне подыскивать покупателя? На это может уйти не один год, и чем раньше я начну, тем больше вероятность, что мне не придется торчать в Огайо еще десяток лет.

– Ты можешь нанять человека, который будет этим заниматься без твоего личного участия.

– Я должен сделать это сам, Эни, – категорично отрезает Флеминг. – Мириам выросла здесь, и это мой долг.

– Очень выгодный для тебя долг, – иронично подмечает Аннабель. Алан понимающе ухмыляется:

– Я знал, что ты не удержишься и обвинишь меня в меркантильном интересе.

– А разве его нет? Я про меркантильный интерес.

– Ты хочешь спросить, хочу ли отказаться от наследства? – расслабленно откинувшись назад, задается вопросом Флеминг. – Нет, не хочу. Назови хоть одну причину, почему я должен это сделать?

– Мириам ненавидела это место и все, что с ним связано, – подавшись вперед, импульсивно утверждает Аннабель. – Она сбежала из дома, как только подвернулась возможность, и даже при угрозе собственной жизни не вернулась бы туда по доброй воле и абсолютно точно никогда не взяла бы ни доллара, оставленного ей отцом. Да она пришла бы в ужас, если бы знала, что надгробный камень с ее именем стоит на кладбище, находящемся в десятке миль от фермы. И хоть убей, я не понимаю, зачем ты это сделал. Вернуть Мириам сюда все равно что...

– Не горячись, Эни, – Алан перебивает пламенную речь девушки. – Мириам здесь нет, – твердо произносит он, глядя в горящие глаза. – А имя на камне – это только имя и возможность для тех, кто ее любил, прийти на кладбище и попрощаться.

– Это твое личное мнение, Алан, а Мири считала иначе, – уверенно парирует Анна. – Если бы ты так хорошо знал свою жену, как утверждаешь, то никогда бы твоей ноги не было на земле, где она провела самые ужасные годы своей жизни.

– Ты ошибаешься, Эни Одли, – бескомпромиссно подводит черту Флеминг. На раскрасневшемся от спора лице девушки явственно читается несогласие и скепсис. – В последние месяцы до ее исчезновения Мириам постоянно твердила, что должна вернуться в Индиго. Эта мысль не давала ей покоя, мешала спать по ночам. Мы собирались поехать вместе, но не успели.

Умолкнув, Алан отводит взгляд в сторону, в его глазах появляется отрешенное выражение. Это не боль, не страдание и не скорбь, а что-то совсем другое.

Анна снова чувствует, как мороз расползается по коже, необъяснимая тяжесть давит на грудь, мешая полноценно дышать. В ее голове гудит целый рой мыслей и предположений, но ни одного цельного, ничего, что могло бы объяснить, какого черта она тут делает, что пытается доказать, а главное – зачем? И кому?

– Мне нужно идти. – Анна предпринимает вторую попытку встать из-за стола. – Самое главное мы обсудили. – Взяв сумочку, она вымученно улыбается. – Я подготовлю договор на оценку и позвоню тебе.

– Тебя проводить? – дымя своей сигаретой, из вежливости предлагает Флеминг. Аннабель отрицательно качает головой.

– Не нужно. Я живу через дорогу, через две минуты буду дома.

– Тогда приятных снов, Эни. – Неровная улыбка растягивает губы мужчины, вызывая в душе девушки глупый, абсолютно неуместный трепет. – Я буду с огромным нетерпением ждать твоего звонка.

Торопливо кивнув на прощание, Аннабель буквально сбегает от настойчивого читающего ее как открытую книгу взгляда, но, даже оказавшись на улице, продолжает чувствовать на себе его обжигающее прикосновение. Это ощущение следует за ней до самого дома, поднимается в квартиру, принимает вместе душ, ложится в кровать, а потом проявляется в снах будоражащими образами...

Глава 4

Алан Флеминг

«Привет, Эни!

У меня так много новостей, что, боюсь, они не уложатся в одну страницу. Не все хорошие, но ведь настоящая жизнь так и проходит: полоса белая, полоса черная, в промежутках серая, но все равно бьет ключом, а не стоит на месте. И это так здорово, Эни, – ощущать все ее грани.

Четверть масс энергии Вселенной состоит из черной материи, но тем не менее в ней достаточно света, чтобы мы не потерялись в темноте. Когда я об этом думаю, Эни, мне становится намного легче смотреть на многие события из прошлого и настоящего. Я чувствую себя окрыленной и наполненной надеждой, что черные времена никогда не вернуться. Самое важное – плотно закрыть дверь и не оглядываться. Тьма питается нашими страхами и болью, нашими воспоминаниями и боязнью «отпустить». Чтобы войти в новый светлый период жизни, мне пришлось многое «похоронить», но теперь я знаю, что все сделала правильно.

Прости, что грузю тебя своей философией. Иногда я бываю очень нудной. Особенно наедине с собой. Согласись, что о таком не поговоришь с однокурсницами, а если задвинешь подобную тему симпатичному парню – он свалит от тебя, как от чумы. Если тебе тоже скучно, Эни, пропусти эти строчки, я не обижусь.

Итак, к грандиозным новостям. Начну с неприятного. Я завалила экзамен по графике. Честное слово, мне очень стыдно, но я уже усердно готовлюсь к пересдаче. Не думай, что я пустилась во все тяжкие, глотнув нью-йоркской свободы. Педагоги в большинстве меня хвалят, я и сама знаю, что могу учиться лучше, но так сложно сосредоточиться на зубрежке, когда живешь с бойфрендом.

Да-да! Ты не ослышалась! Неделю назад я переехала к самому сексуальному парню во всем университете. Видела бы ты, как бесятся его бывшие подружки, но мне на них абсолютно наплевать, потому что уверена, что мы с ним созданы друг для друга и однажды обязательно поженимся.

Ты думаешь, что все это звучит крайне наивно и глупо, но просто поверь мне на слово: я встретила своего будущего мужа, даже если он сам пока об этом не знает.

Во мне так много эмоций, Эни! Я словно заново родилась и радуюсь, как ребенок, каждому новому дню. Мне хочется кричать во все горло о том, что я навечно влюблена в этот город и до одури люблю Алана Флеминга!

А теперь по порядку. Мы познакомились десять дней назад на студенческой вечеринке. Я не хотела идти, но соседки по общежитию применили самый настоящий гипноз, не меньше, иначе у меня нет разумных объяснений, почему я все-таки согласилась.

И вот я, первокурсница в заимствованной у приятельницы короткой юбке и в голубой блузке тоже с чужого плеча, с двумя такими же «зелеными» подружками оказываюсь в трехкомнатных апартаментах на западе Манхэттена, где собралась вся элита нашего института, состоящая из студентов старших курсов и потенциальных выпускников.

Видела бы ты, как на нас с девчонками пилились. Словно на свежий кусок мяса на прилавке. Я готова была в любой момент сбежать, настолько мне было некомфортно и неловко. Все, кроме нас троих, развлекались на полную катушку, опустошая запасы мини-бара. Длинноногие оттюнингованные красотки с надутыми губами курили и пили так же много, как и их перекаченные парни из студенческой баскетбольной команды. Музыка, дым, танцы – и мы, прилипшие к одному из диванов в гостиной, скромно потягивающие пиво. На более крепкие напитки нам поначалу хватало ума не соглашаться, хотя парни периодически предлагали «расслабиться» и отдохнуть «по-взрослому».

Первой сдалась Ребекка. Не смогла устоять перед Майклом Тревисом. Она умудрилась втрескаться по уши еще в первую неделю учебы, и соблазн оказался просто непреодолимым. Истинный интерес этого смазливового качка в ее сторону читался за версту, но Бекки видела происходящее сквозь розовые очки и алкогольный туман после двух шотов, которыми ее щедро угостил Тревис. Я искренне пыталась вразумить Ребекку, когда она собралась вместе со своим «принцем» отправиться на экскурсию по квартире... В общем, Бекки выбыла из нашего трио. Следом за ней согласилась «расслабиться» Гвен, упорхнув на импровизированную танцевальную зону с Троем Дугласом. Трой выглядел менее опасным, чем Майкл Тревис, и я особо препятствовать не стала.

Остаться одной на диванчике в самом темном неприметном углу было не очень приятно и отчасти даже обидно. Не то чтобы я сильно расстроилась, что на меня никто из присутствующих парней не «запал». Внешне я не проигрываю Бекки и Гвен, но, возможно, мне не хватает уверенности в себе. Отношения, даже кратковременные, меня не интересуют, о чем я давала понять сразу, стоило кому-то из студенческих самцов завести со мной подобие флирта. Тебе может показаться, что я успокаиваю себя подобным образом, но мне действительно было все равно. Находиться в полном одиночестве среди толпы людей для меня абсолютная норма. Я чувствовала себя в сравнительной безопасности, оказавшись по ту сторону всеобщего веселья.

Все изменилось за какие-то считанные минуты, когда в разгар вечеринки ко мне подкатил ОН. Именно так – заглавными буквами. АЛАН ФЛЕМИНГ. Знаешь, Эни, у него совершенно бешеная энергетика. Таким магнетизмом обладают единицы людей, ранее мне не встречавшиеся. Не удивлюсь, если этот парень однажды станет знаменитостью, потому что я просто оцепенела, разинув рот и уставившись на него, как полная дура, случайно наткнувшаяся на перекрестке на своего кумира. Я даже не понимала, что он мне говорил, впав в полный ступор. В голове шумело, ладони взмокли, перед глазами белые точки, мурашки по рукам и сердце как молот – бах-бах-бах. Невероятно, Эни... Я и не думала, что влюбиться можно вот так – за минуту, даже не зная еще имени объекта своих чувств, хотя он и представился, причем даже не один раз.

– Ты странная, Мириам Бенсон. – Так и сказал, а потом рассмеялся, не дождавшись ответа, и сел рядом, сунув мне в руки бокал с шампанским. Я выпила его залпом и только после этого снова обрела дар речи.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – Это было первое, что я спросила.

– Видел несколько раз в кампусе и навел справки. Не благодари за приглашение. – Он вдруг перестал улыбаться и дотронулся до моих волос, потом до щеки. – Я устроил эту вечеринку только для того, чтобы тебя заманить, – признался Алан без намека на смущение, и я безвольно пропала в его глазах, таких черных и бездонных, словно хранящих в крошечной мгле все тайны вселенной.

Эни, я никогда не видела таких пронизывающих темных глаз, в которых кроме порока читалась и глубокая мудрость, недоступная каждому, и обещание... смысла которого я тогда не понимала.

– Хочешь, пойдем в спальню? Ты так смотришь, Мири, словно тебе сейчас это жизненно необходимо, – наклонившись, прошептал он в миллиметре от моих губ.

Я промолчала, потому что в голове не было ни одной здоровой мысли. Только его запах, горячее дыхание, черная бездна зрачков и жар, исходящий от мускулистого мужского тела. Улыбнувшись, он забрал у меня пустой бокал и, поставив на столик, медленно поднялся и протянул ладонь.

– Смелее, мисс Бенсон.

Его голос буквально проник в меня, отозвался в каждом уголке тела, заставив задрожать от необузданного влечения, возбуждения или похоти. Точность определения не имеет значения, когда тебя накрывает так, что пальчики на ногах подгибаются, а нижнее белье резко становится тесным и неудобным. Я буквально сгорала от желания оказаться с Аланом наедине, голой и стонущей под ним на мокрых простынях. Я хотела, чтобы он не спрашивал, не оставлял права выбора, а просто взял так, как хочется ему. Жестко, грубо, больно, изощренно – мне было все равно. Абсолютно все равно, как он это сделает. Я приняла бы его любым.

Никакого стыда, Эни, ни капли смущения, ни толики сомнения. Я даже облегченно выдохнула, когда, не дождавшись ответа, Алан схватил меня за запястье и рывком поставил на ноги. Он смотрел мне в глаза так, словно все давно про меня понял, а потом с напором поцеловал, настойчиво, жадно, проталкивая язык в мой рот. Я отвечала как могла, и все равно это выглядело неумело на фоне того, что проделывал опытный Флеминг с моими губами.

Мы целовались целую вечность, пока у обоих не закончилось дыхание. Он что-то хрипло прошептал. Его ладони прошлись по моей талии, бедрам, поднялись вверх, сжимая грудь. Я не возражала, задыхаясь от накативших неконтролируемых эмоций, даже когда, расстегнув несколько пуговиц на блузке, он просунул пальцы под бюстгалтер, трогая мои набухшие соски.

Я не размышляла о том, что на нас смотрят, не пыталась анализировать, что мои подружки подумают, увидев, как я позволяю едва знакомому парню лапать меня на глазах у всех. Мне было плевать, Эни. Я не остановила его, даже когда почувствовала, как мужская ладонь забирается мне под юбку и, погладив внутреннюю сторону бедра, скользит выше. Я кусала губы, чтобы не стонать, а его пальцы ритмично гладили меня между ног поверх белья, пока ткань трусиков не промокла насквозь.

– Ты очень смелая для первокурсницы, Мири, – похвалил Алан. Он вдруг убрал руку, и я едва не расплакалась от разочарования и болезненного напряжения там, где только что меня так искусно ласкали.

Я не отдавала себе ни малейшего отчета в происходящем наваждеании, когда Алан наконец повел меня за руку куда-то вглубь квартиры. Рванув на себя первую попавшуюся на пути дверь, он остановился, пробормотав что-то вроде «горячие подружки», и, выглянув из-за его плеча, я увидела в приоткрытый зазор голую Бекки, стоящую на коленях перед сидящим на кровати Тревисом. В том, чем они занимались, не возникало ни малейших сомнений. Захлопнув дверь, Алан подмигнул мне и потянул в другую комнату, которая, к счастью, оказалась свободной. Зафиксировав замок, он приказал мне раздеться, но я была не в состоянии что-

либо делать самостоятельно. Пыталась растянуть блузку до конца, но руки так дрожали, что ничего не получалось.

Первый раз он трахнул меня прямо так, в одежде. Нагнул над кроватью, задрал юбку до талии, дернул вниз трусики и сразу вставил. Я закричала, комкая пальцами покрывало. Настолько это было сильно. Больно и хорошо одновременно. Глубоко и мощно. Грубо и неистово. Грязно и влажно, потому что мне дико нравилось ощущать жесткие распирающие толчки внутри себя.

Я стонала и раскачивалась, как парусник на ветру, отдавшись поглотившей меня стихии. Взад и вперед, снова и снова, пока удовольствие не достигло максимальных высот. Потом я обессиленно рухнула с протяжным воплем на постель, распятая мужским телом, продолжающим вбиваться в меня с неукротимой силой. Ненадолго отключившись, я пропустила момент, когда Алан кончил, и лишь когда он скатился с меня, смогла вдохнуть полной грудью.

Потом Алан курил, ничего не говоря и не глядя в мою сторону. Я лежала неподвижно в той же позе, в которой он меня оставил, готовая к тому, что в любой момент он попросит меня убраться из спальни. Но Алан молчал, выпуская кольца дыма, уставившись в потолок и словно забыв о моем существовании. Я медленно поднялась и подползла к нему, вытянувшись рядом, неуверенно погладила рельефный пресс, покрытый капельками испарины, опустила ладонь ниже. Алан напрягся на мгновение, когда я начала неспешно ласкать его, снова пробуждая к активным действиям.

– Давай то же самое, но губами, Мири, – закрыв глаза, попросил он, и я подчинилась.

Это не было чем-то унижительным, я получала удовольствие от его наслаждения и довела бы дело до логического конца, но Алан остановил меня. Стаив остатки одежды с моего тела, опрокинул на спину и накрыл собой. Раздвинув ноги, я приподняла бедра навстречу его вторжению. Он вошел, не церемонясь, сильно и до упора, рвано дыша сквозь стиснутые зубы. Застонав от ощущения наполненности, в избытке чувств я вцепилась ногтями в его ягодицы, требуя еще больше, и получила больше, но не больше того, что могла выдержать.

Мы выдохлись одновременно спустя пару часов или больше. Никто из нас не считал. Музыка давно стихла, и гости наверняка разошлись. Алан снова курил, рассеянно поглаживая свободной рукой мою спину. Я лежала, прижавшись к его плечу, и считала взмахи мужских несправедливо длинных ресниц, думая только о том, что переспала с самым красивым в мире парнем, и если он захочет, то я сделаю это еще раз и еще, пока ему не надоест.

– Держи, синеглазка, – сказал он, передав мне сигарету и наконец обратив на меня нечитаемый взгляд.

Я затянулась и сильно закашлялась. Алан хрипло рассмеялся, заметив, что курить я не умею, но зато трахаюсь суперски. Наверное, это был комплимент, хотя я не уверена. Точнее... уверена, что никакой это не комплимент.

Прости, что я так подробно все тебе рассказываю, но мне просто не с кем поделиться бушующими во мне эмоциями. Я знаю, о чем ты думаешь, Эни, читая эти строки. Я не настолько глупа и наивна, чтобы не осознавать, что меня тупо поимели, как и двух моих подружек. Именно для этих целей нас и позвали на вечеринку. Свежая кровь. Молоденькие дуручки для жаждущих разнообразия парней. Но мы с Аланом не попали в статистику, став исключением, хотя, вероятно, со стороны все выглядело гораздо примитивнее. Ты можешь решить, что ему просто понравился «суперский» секс со мной, но он мог иметь его и так. Я бы не сумела отказать, даже если бы очень сильно захотела...

Эни, ты вряд ли представляешь, каково это – испытывать желание такой силы. Оно переворачивает все твои принципы, разбивая напрочь представление о себе. Стыд, гордость, чувство собственного достоинства –

все стерлось, и когда эйфория схлынула, я пришла в ужас, осознав, что именно со мной произошло.

Два следующих дня я не появлялась на занятиях, заливая слезами подушку в комнате общаги. Бекки и Гвен как могли пытались меня вразумить, убеждая в том, что глупо так сильно переживать из-за одноразового секса. Они после вечеринки ощущали себя вполне комфортно и, посмеиваясь, шепотом делились подробностями своих «подвигов». Для моих подруг случившееся было приключением, не более, и моя затянувшаяся истерика к концу второго дня начала их откровенно раздражать. Бекки решила добить меня, сообщив, что видела, как Алан обнимался с какой-то девчонкой в столовой, а после занятий уехал вместе с ней. Наверняка к нему домой, чтобы делать то же самое, что он делал два дня назад со мной.

«Он даже имени твоего не запомнил, а ты трагедию вселенского масштаба устроила. Нашла из-за чего сходить с ума. Ну было и было, все уже об этом забыли», – поддержала Гвен.

И ты знаешь, Эни, меня их слова отрезвили. Не потому что сделали какое-то открытие. Нет, просто резко отпустило. Я встала с кровати, приняла душ и даже заставила себя выйти из общежития на прогулку.

Несколько часов я бродила по улицам, не думая ни о чем, пока не выбилась из сил, до мозолей стоптав ноги. Возвращаясь назад, я почти не удивилась, когда увидела Алана Флеминга, сидящего на ступенях с зажатой в пальцах сигаретой. Он что-то сосредоточенно писал карандашом в открытом на коленях блокноте и не сразу заметил мое приближение. Конечно, было бы лучше, чтобы Алан принес цветы. Синие ирисы. Мои любимые, но откуда ему знать, если мы практически не говорили.

Я подошла вплотную, выхватила из его руки сигарету и бросила в урну. Подняв голову, Алан посмотрел мне в лицо и непринужденно улыбнулся.

– Привет, Мири, – сказал он и, вырвав из блокнота листок, протянул мне.

Там было написано:

«Мои родители в длительной экспедиции на Тянь-Шане. Я давно привык жить один, но с тобой мне будет веселее. Готова временно переехать ко мне, Мириам Бенсон?»

– Насколько временно? – уточнила я, смяв бумажку и сунув в карман.

– Полгода минимум, а там посмотрим, – пожав плечами, ответил Алан.

Я сказала «да», Эни. Другой вариант ответа даже не рассматривался.

Ни мной, ни Аланом.

Сегодня ровно семь дней нашей совместной жизни – временной или нет, мы не гадаываем, но одно я могу сказать с уверенностью, Эни. Это были самые счастливые семь дней за всю мою жизнь...»

Дойдя до середины пятой страницы, я складываю листок и убираю в пухлый конверт. Меня совершенно не шокировали и не удивили откровенность Мириам и обилие интимных подробностей, с которыми она описывала наш первый секс. Ее нельзя было назвать скромницей. Мири всегда выражалась достаточно прямолинейно, порой даже грубо, озвучивая свои мысли именно такими, какими они рождались в ее голове.

Какое-то время я продолжаю держать конверт в руке, разрываясь между соблазном дочитать письмо и желанием сжечь. В конечном итоге бросаю на кипу остальных, в беспорядке раскиданных на полу под кроватью.

Меня охватывает злость, прежде всего на самого себя, за то, что не сдержался. Не стоило заглядывать внутрь. Знал же изначально, что ни к чему хорошему это не приведет, а только сильнее разбередит незажившие раны.

Уставившись в потолок, я слежу за пляской теней, отбрасываемых покачивающимися за окном деревьями, стараясь не думать, не сопоставлять, не оглядываться. На этих страницах нет ничего, чего бы я не знал или забыл. Я не кривил душой, озвучив Аннабель причину, по которой не хочу брать эти чертовы письма.

Зачем начинать сначала, если уже познал, какая тьма ждет в конце?

Глава 5

– Полный отстой. – Выделив несколько абзацев, я с раздражением жму Del, уничтожая результат нескольких часов своей пытки.

Откинувшись на спинку кресла, откатываюсь от стола и замираю без движения. На смену полному опустошению приходит бессильная злость, и я уже знаю, что не напишу сегодня ни слова. Пустота, долбаная пустота, которую я отчаянно пытаюсь заполнить, но ничего не выходит.

– Черт, – издаю глухой стон, осознавая бессмысленность своей агонии и четко понимая ее последствия.

За окном еще светло и, наверное, по-летнему душно. Я не знаю наверняка, потому что не выходил из съемной квартиры уже двое суток, пытаюсь выдать хоть что-то стоящее, хотя бы чертов пролог, хотя бы одну страницу или даже абзац. Что-то, от чего бы я мог оттолкнуться, ощутить связь, бросить якорь, но нет. Нет.

В комнате стоит тяжелая прокуренная тишина, в приоткрытое окно врывается ветер, сметающая крупинцы сигаретного пепла с темной столешницы, а я с такой ненавистью смотрю на экран, словно это он повинен в том, что мой мозг не способен создать ни одной путной строчки.

Я пытаюсь прислушаться к себе, поймать то, что когда-то само текло сквозь кончики пальцев, выстраиваясь в ровные правильные предложения, наполненные смыслом, жизнью, живыми эмоциями и образами.

Когда-то я не знал, что такое тишина, не понимал ее, не чувствовал. В моей голове каждую секунду времени плодились истории, жаждущие оказаться запечатленными на страницах новой книги Алана Флеминга. Я едва успевал ловить и записывать, клавиатура дымилась, адреналин кипел в венах, а время то останавливалось, то начинало лететь вскачь. Я мог не есть, не спать – лишь бы успеть, лишь бы ничего не упустить. А сейчас... Сейчас я должен признать, что копилка идей иссякла, выдохлась или, наоборот, переполнилась.

Реальность напоминает о себе, врываясь в мои упаднические мысли пронзительным рингтоном телефона. Протянув руку за смартфоном, я отвечаю, даже не взглянув на экран. Я меняю номер раз в несколько месяцев по ряду объективных причин. Журналисты, частные детективы, назойливые фанаты, мои или Мириам, каким-то образом находят лазейки, чтобы напомнить о себе и испоганить мне настроение.

– Да! – рывкаю в трубку, дергая из пачки очередную сигарету. Взгляд возвращается к экрану, к чистому, не запятнанному ни одной строчкой листу. Сглотнув горечь, осевшую во рту, устало прикрываю веки, пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз спал.

– Я не вовремя? – после недолгой заминки отвечает женский голос на другом конце.

– Эни? – Потерев обросший щетиной подбородок, лениво затягиваюсь и ощущаю мгновенный прилив энергии. – Я ждал твоего звонка еще вчера.

– Я... была занята, – неуверенно произносит Аннабель. – Личные дела...

– Что-то случилось?

– Нет, все в порядке, – заверяет мисс Одли. – Документы готовы, я могу выслать их для предварительного ознакомления на электронную почту.

– Не стоит тратить на это время. – Встав из-за стола, я прохожу к окну и распахиваю его шире.

Зажав сигарету в зубах, опираюсь ладонями на подоконник, безошибочно найдя взглядом брюнетку, разговаривающую по телефону на балконе соседнего дома. Прислонившись к перилам спиной, она смотрит куда-то в сторону, прижимая к щеке смартфон.

– Давай сократим процесс, – предлагаю прищурившись.

Объект моего наблюдения разворачивается лицом, и я быстро отступаю назад, скрываясь в квартире. Кажется, мне повезло, и она не заметила.

– Предпочитаю, чтобы все договоренности были оформлены официально, прежде чем мы приступим, – слышу категоричный ответ.

Улыбнувшись, я снова сажусь за стол. Затушив сигарету в переполненной пепельнице, открываю верхний ящик и беру оттуда толстую книгу в твердом переплете. Пальцы бережно скользят по выпуклому рельефу иероглифа на обложке и выбитых в верхней части золоченых букв. Я не заглядывал внутрь целую вечность, но помню почти наизусть каждую строчку.

– Я подпишу договор при встрече, – озвучиваю оптимальное решение. – Мне хватит пары минут, чтобы вникнуть даже в абзацы, напечатанные мелким шрифтом.

– Хорошо, – без энтузиазма соглашается Аннабель. Ее напряжение ощущается на расстоянии. – Когда ты готов приступить?

– Сейчас, если, конечно, ты готова, – быстро отвечаю я, открывая первую страницу книги. Сверху, прямо над аннотацией, красивым почерком выведено послание автора, заверенное личной подписью. В моих руках настоящее сокровище. Последний коллекционный экземпляр «Индиго» с именным автографом Мириам Флеминг, и я собираюсь подарить его Аннабель Одли.

– Давай через час, – после небольшой заминки просит Эни.

– Отлично. Я за тобой заеду или встретимся на месте? – уточняю из вежливости.

– У меня нет машины, – смущенно отзывается Анна.

– Без проблем, поедem на моей. Диктуй адрес.

* * *

Я паркую свой Grand Cherokee перед домом Аннабель Одли за пять минут до назначенного времени. Интуиция подсказывает, что девушка спустится раньше, а заставлять даму ждать – это не комильфо. Я выхожу из машины, чтобы покурить, но успеваю сделать всего пару затяжек.

Анна буквально выскакивает из дома, взъерошенная и жутко злая, следом вальяжной походкой победителя появляется дымчато-серый кот. Оглянувшись назад, девушка что-то угрожающе шипит в его адрес, встречая полнейший игнор от пушистого вояки, равнодушно простествовавшего мимо и скрывшегося в ближайших кустах.

Мое внимание возвращается к Анне и ее не особо презентабельному виду. Минимальный макияж, растрепанные волосы без намека на укладку, черные классические джинсы, кроссовки на толстой подошве, темно-синий расстегнутый безразмерный бомбер, наброшенный поверх трикотажной кофточки невзрачного серого цвета. Создается впечатление, что она намеренно одевается максимально обыденно, чтобы я не заподозрил девушку в желании мне понравиться. Видимо, мои слова про охотницу за богатыми вдовцами задели ее за живое. Либо сработала защитная реакция, и таким образом она защищается от моих поплзновений и намеков про химические реакции между нами. Развитый инстинкт самосохранения – это, конечно, хорошо, но вряд ли он уберет ее от неминуемого перехода нашего сотрудничества в горизонтальную плоскость. Я был интересен Аннабель задолго до того, как она осмелилась заговорить со мной. Мне даже любопытно, как Анна представляла меня, о чем думала, какие делала выводы, читая откровенные письма Мириам. Почему-то я уверен, что некоторые особо пикантные моменты она перечитывала по несколько раз, краснея от смущения. Может быть, даже в своих фантазиях представляла себя на месте кухни, переживая самые эротические ощущения в своей непримечательной жизни.

– Здравствуй, Алан. Ты снова меня опередил. – Застыв на секунду, Аннабель озадаченно хмурится, как пару дней назад в баре.

– Привет. – Я расплываюсь в широкой улыбке. – Кот с характером попался?

– Лучше не спрашивай, – бормочет Аннабель и, поправив волосы, идет в мою сторону.

Я галантно открываю для нее дверь и, обогнув автомобиль, сажусь за руль.

– Хорошая машина, – вскользь замечает Анна. – Глухая тонировка для конспирации?

– Так точно, – ухмыляюсь я, не спеша заводить двигатель.

– Мы же не торопимся? – внезапно спрашивает Аннабель, на что я неопределенно пожимаю плечами. – Давай подпишем документы, а потом поедем?

– Как скажешь, – соглашаюсь я.

Повернув голову, смотрю на пассажирку, нервно копающуюся в объемной кожаной сумке. Терпеливо жду, пока она достанет пластиковую папку с договорами. Протянув их мне, Анна снова ныряет в свой рабочий «саквояж» в поисках письменных принадлежностей.

– У меня есть, – пряча улыбку, говорю я, достав из нагрудного кармана своего кожаного пиджака шариковую ручку.

– Отлично, – кивает Анна, заправляя за уши выующиеся локоны.

Выдохнув, девушка закрывает сумку и отворачивается к окну, чтобы не мешать мне изучать документы. На самом деле я их просто листаю и подписываю почти не глядя. Уверен на сто процентов, что никаких подводных камней от Аннабель Одли ждать не стоит. Как сотрудник она наверняка педантичная и ответственная до мозга костей.

– Так что не так с котом? – чтобы как-то заполнить тишину в салоне, любопытствую я.

– Этот блохастый мудак нассал в мои любимые кроссовки и разордал кучу одежды, – раздраженно выдает Анна. – Решил показать, кто в доме хозяин. Словно я претендую на его коврик или миску с вискасом.

– Тяжелый случай, – понимающе ухмыляюсь я. – Он просто ревнует.

– Отец его избаловал, – фыркает Аннабель. – Они столько лет жили с Рокки вдвоем, а тут я появилась и огребаю теперь из-за кошачьей ревности. Бред же полный. Будь моя воля, усыпила бы.

– Не усыпила бы, – уверенно возражаю я. – В тебе сейчас злость говорит. – Улыбнувшись, возвращаю Анне подписанные экземпляры. – Готово.

– Спасибо. – Бегло глянув документы, девушка убирает их в сумку.

– Теперь мы можем ехать? – уточняю, дождавшись, когда девушка закончит суетиться. Наши взгляды пересекаются, и я замечаю, что Аннабель нервничает, словно не решаясь мне что-то сказать. – Какие-то проблемы, Эни?

– Ты недостаточно внимательно посмотрел документы. – Моя пассажирка отводит взгляд в сторону. – Я не все объекты недвижимости внесла в список.

– Не все? – озадаченно переспрашиваю я. – Почему?

– Я не буду делать оценку особняка и часовни Бенсонов, – с нажимом отвечает Аннабель. Я смотрю на красивые кисти ее рук и длинные пальцы, напряженно впившиеся в сумку. Поднимаю взгляд к бледному лицу, на котором синим пламенем мерцают выразительные глаза.

– Наслушалась страшилок о призраках? – подтруниваю я.

– Дело не в этом. – Она отрицательно качает головой. – Наймешь для оценки этих объектов кого-то другого. Если не устраивает, можем разойтись в разные стороны прямо сейчас.

– Ого, ультиматумы пошли в ход, – ухмыляюсь я, поворачивая ключ в замке зажигания. – Начнем с конюшни. Ты не против?

Анна согласно кивает, и машина плавно трогается с места.

– Когда ты была на ферме в последний раз? – вырвав на трассу, нахожу я подходящую тему для разговора. Ехать предстоит не меньше часа, и перспектива провести это время в молчании меня, мягко говоря, не радует.

– В шестнадцать лет, – уставившись в окно, неохотно отвечает Аннабель. – Отец привозил меня к Бенсонам в летние каникулы. Не каждый год, но довольно часто.

– Тебе нравилось?

– Что именно?

– Гостить на ферме.

– Там было красиво, но я ездила только ради Мириам, – скупно сообщает Аннабель.

– Ты немногословна, – замечаю я.

– А ты утверждал, что жена была с тобой откровенна, – парирует мисс Одли.

– Но я спрашиваю не о Мириам, а о тебе и твоих воспоминаниях. Мне хочется понять, почему моя жена ни словом не обмолвилась о кузине. Я посмотрел адреса на письмах. Почти все они отправлены из Нью-Йорка. Каждый месяц она писала тебе из нашего дома, а я понятия не имел о твоём существовании. Ты ей отвечала? – интересуюсь я, бросив на Аннабель быстрый взгляд.

Она нервно дергает ремешок сумки, не спеша с ответом. Мы оба молчим какое-то время. Анна опускает стекло, пуская в салон поток прохладного воздуха с крупными дорожной пыли.

– Я не отвечала, – голос девушки почти неслышен из-за свиста ветра. – И не вскрывала ее письма... до недавнего времени. Я прочла их, когда узнала о решении суда.

– Почему?

Анна шумно выдыхает и, повернув голову, встречается со мной взглядом.

– Хотела забыть о прошлом и обо всем, что связано с Бенсонами. Они были странной семейкой, – скривив губы, признается Аннабель.

– И Мириам?

– Да, – коротко кивает Анна. – Но я рада, что ей удалось вырваться и найти свое место в Нью-Йорке, подальше от отца и его окружения.

– В том письме, что я успел прочитать, Мири писала, что о чем-то очень сильно сожалеет. Вы поссорились? – предполагаю единственный вариант, имеющий шанс на существование.

– Нет, – отрицательно мотает головой Аннабель, снова отворачиваясь к окну. Опустив голову, она задумчиво смотрит на свои руки. – Если бы тебе было действительно известно, что происходило на ферме, ты бы не задавал мне подобных вопросов. Поэтому давай закроем тему, Алан.

– Ты только разожгла мое любопытство, Эни, – протестую я.

– Умерь его. Так будет лучше, – категорично отрезает Анна.

– Для кого?

– Для тебя – в первую очередь.

– Зачем тогда ты затеяла всю эту историю с передачей писем, если собиралась умалчивать ваши с Мириам секреты?

Аннабель морщится, словно съела что-то кислое, или это ее так скривило от моего обоснованного упрека?

– В ее письмах нет ни слова о прошлом. Только о тебе и вашей совместной жизни, – Аннабель ловко уходит от прямого ответа, но дает почву для новых вопросов.

– А что было не так с нашей совместной жизнью?

– Ты мне скажи, Алан, – с вызовом бросает Анна.

Боковым зрением я чувствую на своем лице ее прямой изучающий взгляд. Он меня не нервнует и не раздражает. Я пережил десятки допросов и ни разу не сорвался.

– Наш брак, как любой другой, переживал разные времена, хорошие и плохие. Но мы решали наши сложности вместе.

– Прочитай письма, Алан, и ты поймешь, почему я к тебе пришла, – осторожно произносит Анна.

– Я и так это знаю, Эни. – Удерживая руль одной рукой, поворачиваю голову и уверенно смотрю в синие глаза девушки. Она спешно отводит взгляд в сторону, нацепив фальшиво-рав-

нодушную маску. – У тебя не хватает смелости сказать прямо, но я подожду. Терпения у меня хоть отбавляй, – с улыбкой говорю я, переключая внимание на дорогу.

Остаток пути мы едем в гробовом молчании. В какой-то момент, не выдержав напряжения, Аннабель протягивает руку и включает радио. Салон автомобиля тут же засоряет противный голосок очередной поп-дивы. Чтобы вконец не озвереть, я начинаю курить, опустив окно со своей стороны. Судя по кислому выражению лица неразговорчивой пассажирки, она страдает от сигаретного дыма почти так же, как я от слезливых глупых песенок, одна за другой льющихся из динамиков. Музыка, за исключением классики, мешает мне думать, и если мне хочется себя чем-то отвлечь в дороге, то я надеваю наушники и слушаю аудиокниги. Мозг должен работать, даже расслабляясь.

– Почти приехали, – сообщаю, заметив указатель. Аннабель не утруждает себя ответом, увлеченно уткнувшись в телефон.

Через пару миль мы въезжаем в небольшой городок и еще столько же движемся по главной дороге. Мимо пролетают разбросанные по обе стороны неказистые дома с аккуратными двориками, заправки и магазины, старое здание школы и придорожное кафе, несколько заброшенных барачков, пивной бар и торговый центр с рекламными вывесками. Людей на улицах почти нет, за исключением редких прохожих и собачников, выгуливающих своих питомцев.

Пять минут, и мы оказываемся за пределами города. Пейзаж снова становится унылым и однообразным. Когда автомобиль сворачивает на грунтовую дорогу, ведущую напрямик к ферме Бенсонов, Аннабель наконец выныривает из своего гаджета. Даже не глядя в ее сторону, я ощущаю исходящую от нее нервозность и напряжение.

– Эни, тебе нехорошо? – вежливо беспокоюсь я, бросив на девушку внимательный взгляд.

– Немного укачало, – кивает побелевшая как мел Анна.

– У многих людей при чтении книги или зависании в гаджете во время поездки на автомобиле развивается кинетоз, – серьезным тоном озвучиваю возможные причины ее состояния и заодно пытаюсь отвлечь от неприятных мыслей.

– Это что еще такое? – рассеянно осведомляется Аннабель, едва взглянув на меня.

– Расстройство психического спектра, возникающее вследствие несоответствия информации органов чувств и вестибулярного аппарата, – коротко объясняю суть.

– Теперь ты меня напугал, – невесело усмехнувшись, бормочет Аннабель.

– Со мной бывает то же самое, – признаюсь с непринужденной улыбкой. – На случай, если приходится работать в дороге, я принимаю пару таблеток драмины, и все в порядке.

– Боже, стой! – внезапно кричит Анна, напугав меня до чертиков. – Останови машину! Сейчас же, Алан!

Задышавшись от паники, она хватается за руку, оцарапав кожу ногтями. Я резко сбрасываю скорость и торможу в паре метров от таблички, обозначающей начало частных владений Бенсонов.

Прежде чем я успеваю спросить, какого хрена происходит, Анна выскакивает из машины и, отбежав подальше, сгибается пополам, словно от приступа боли. Девушку трясет, как в ознобе, и шатает из стороны в сторону, будто пьяную. Я выхожу следом, осторожно приближаюсь со спины. Распрямившись, она обхватывает себя руками, продолжая дрожать и раскачиваться.

– Я могу как-то помочь, Анна? – интересуюсь с искренним беспокойством. Трогать не решаюсь, так как реакция может быть самой непредсказуемой.

– Дай мне минуту, – сдавленно хрипит она. – Подожди в машине.

– Если я...

– Уходи, твою мать! – яростно рявкает Аннабель, пресекая все мои благородные порывы.

Решив, что в подобной ситуации лучше с ней не спорить и оставить в покое, я разворачиваюсь и иду к машине. Привалившись к капоту, закурываю сигарету, наблюдая за хрупкой фигуркой в безразмерном безобразном бомбере, вздрагивающей от каждого порыва ветра.

Ее отпускает так же внезапно, как и накрыло. В какой-то момент Анна расправляет плечи и, перестав трястись как осиновый лист, все еще нетвердой походкой возвращается к автомобилю. На меня упорно не смотрит, возможно, стыдясь своей истерики, зато я успеваю заметить мокрые от слез щеки и искусанные бледные губы.

Ни слова не сказав, Аннабель садится на переднее сиденье и обессиленно откидывается на спинку. Вдавлив затылок в подголовник, она опускает подрагивающие ресницы, тяжело дыша сквозь зубы.

– Хочешь воды? – заботливо предлагаю я, достав бутылку минералки из бардачка. Анна отказывается, отрицательно качнув головой.

Я включаю чертово радио, завожу двигатель и разворачиваю автомобиль в обратную сторону.

Глава 6

Аннабель

Черный внедорожник набирает скорость, быстро удаляясь от проклятой фермы Бенсонов. К дьяволу суеверия, они тут ни при чем. Аннабель на себе почувствовала убийственную энергетику этого места. Глупо было предполагать, что она справится. Не стоило соглашаться, не стоило... Знала же, догадывалась, что не сможет снова туда вернуться.

Зажмурившись, Аннабель считает гулкие неровные удары своего сердца, сражаясь с черным туманом, поглотившим ее разум. Ветер, врываясь в открытое окно, остужает горящее лицо, оставляя пыль и песок на губах. Она тяжело сглатывает и, протянув руку, поднимает стекло.

– Убавь звук, – просит Аннабель, ощущая на себе мужской пристальный взгляд. – А лучше выключи, – добавляет измученно. Флеминг без лишних слов выполняет озвученное желание.

Он снова курит в открытое окно. Едкий дым попадает в салон, проникает в ее судорожно сокращающиеся легкие. Она пытается дышать ровно, но эта задача невыполнима, пока Алан травит их обоих никотиновыми парами.

– Прости за это шоу, – выжимает из себя Анна и, разлепив веки, смотрит перед собой. Кажется, город они уже миновали. От этой мысли становится гораздо легче и спокойнее на душе. – Я правда думала, что смогу, – виновато добавляет она. – Тебе придется нанять кого-то другого.

– Все в порядке, Аннабель, – непринужденно заверяет Алан, наконец выбросив сигарету. – Кто-то другой мне не нужен, но и тебя заставлять не буду. Поэтому забудь о контракте.

– А как же оценка? Ты не собираешься продавать ферму? – повернув голову, Анна вопросительно смотрит на сосредоточенный профиль Флеминга.

– Старик Бенсон пока жив. Твои слова? – Он небрежно пожимает плечами.

– Но ты же...

– Я надеялся разговорить тебя, Анна, – не дослушав ее лепет, прямо заявляет Алан. – Теперь передумал. Ты не готова.

– Не готова к чему? – напряженно уточняет девушка.

– Быть откровенной со мной, – проясняет Флеминг. – Но и от меня не требуй того же.

– Что ты имеешь в виду?

– Твои вопросы, которые ты не решаешься задать, – говорит он. – Я имею право не отвечать. Согласна?

– Я ни о чем не спрашиваю. – Насторожившись, Анна опускает взгляд на мужские руки, уверенно держащие руль. Сильные, красивые, с длинными пальцами – руки писателя, мужа, любовника... или убийцы? Как, черт возьми, она может испытывать влечение и симпатию к человеку, которого считает причастным к исчезновению Мириам?

– Само твое появление на кладбище с кипой старых писем – уже вопрос, – отзывается Флеминг. – За три года, что длилось расследование, я научился отличать тщательно скрываемое любопытство на лице собеседника от прямого обвинения.

– Я ни в чем тебя не обвиняю, – начинает оправдываться Анна, чувствуя, как щеки заливают удушливой волной стыда. Неужели ее так легко прочесть?

– Ты думаешь, что это я ее убил, – равнодушно утверждает Алан. – Я тебя не осуждаю. Многие так считают, но никто ничего не смог доказать. Ты знаешь не больше других, несмотря на откровения Мириам, оказавшиеся у тебя в руках.

– Алан, я вовсе... – протестует Аннабель, но ее снова бесцеремонно затыкают.

– Брось, Эни. Я не идиот и сразу понял, зачем ты отдала мне письма моей жены.

– Зачем же?

– Рассчитывала на чистосердечное признание либо говорящую реакцию, которая поведала бы тебе мои жуткие тайны. – Мужчина криво улыбается, и выражение его лица становится опасным, ожесточенным.

Аннабель вжимается в автомобильное сиденье, проклиная себя за глупость и наивность. Что бы Флеминг ни говорил, Анна знает больше остальных. Содержимое посланий Мири косвенно указывает на его мотивы. Алан мог желать смерти своей жене, у него были причины, заключающиеся не только в меркантильном интересе. Мириам не была идеальной женой, она совершила много ошибок, в чем откровенно признавалась кузине в своих письмах. Самое последнее Аннабель не отдала Флемингу, осознавая, что может подвергнуть свою собственную жизнь опасности.

Но что, если он догадывается? Или подозревает? Что, если Алан решит избавиться от нее, как от ненужного свидетеля? Она ни словом не обмолвилась отцу о том, куда уходит и с кем. Никто не знает, что они поехали вместе на ферму. Разве что кто-то из соседей мог заметить автомобиль Флеминга, а если нет? То, что Алан связывался с ее боссом по заказу оценки, абсолютно ничего не доказывает. Мириам исчезла из собственного дома, когда ее муж находился там, но полиция не смогла привлечь его за неимением прямых улик. Нет тела – нет дела. Смерть Мири так и осталась чудовищной тайной. Такой человек, как Алан Флеминг, не сломается. Он будет стоять до конца, отстаивая свою позицию.

Анна вздрагивает, чувствуя, как по коже пробегает табун мурашек. Отвернувшись, смотрит в окно, судорожно пытаясь придумать слова, способные заставить мужчину поверить в то, что она не представляет для него угрозу. Солгать не выйдет, Алан слишком хорошо разбирается в людях. Он отличный психолог и раскусит ее лукавство в два счета. Остаются правда и искренность. Флеминг дал понять, что ждет от нее откровенности. Выбор за ней. Дать ему желаемое или...

В действительности никакого «или» не существует. Они оба с самого начала вели каждый свою игру, а значит, кто-то из них должен проиграть. Или уступить.

– Что случилось на ферме, Эни? – бесстрастно спрашивает Флеминг, дав ей возможность сделать это первой.

– Если я расскажу, то смогу рассчитывать на ответную откровенность? – внезапно осмелев, торгуется Анна.

– Один вопрос, – согласно кивает Алан.

Девушка делает глубокий вдох, приготовившись к тяжелой исповеди, но он неожиданно останавливает ее.

– Не сейчас, Эни, – обрубает решительно. – Ты на взводе, перенесла нервный стресс, а я не изверг, чтобы продолжить пытку, хотя, возможно, ты считаешь иначе.

– Мне уже лучше, – слабо возражает Анна.

– Нет, не лучше, – категорично бросает Флеминг. – Я отвезу тебя домой. Накормлю, дам выпить вина, а потом ты мне все расскажешь. Сама.

– Стой... куда домой? – растерянно хмурится Аннабель, даже не успев толком испугаться.

– Ко мне, – невозмутимо отвечает Алан. Окинув пассажирку беглым взглядом, от которого ее бросает в жар, он задумчиво улыбается и снова переключает все свое внимание на дорогу. – Возражения не принимаются. Если откажешься, мы больше не встретимся.

– Похоже на шантаж.

– Это он и есть. Тебе решать, Эни, – передергивает плечами мужчина.

Аннабель застывает, уставившись в одну точку. Сердце гулко бьется где-то в горле. Ладони потеют, в ушах шумит. Девушка с ужасом осознает, что испытывает сейчас вовсе не

страх и тревогу. Она в смятении, растеряна и взбудоражена поставленным ультиматумом, но какая-то испорченная часть ее личности охотно принимает подобный поворот событий. Это страшное чувство, похожее на предвкушение. Стыд и смущение накатывают лавиной, когда Аннабель осознает истоки внутреннего противоречия.

Она хочет остаться с ним наедине. С вероятным убийцей, преступником и лжецом. Она готова проиграть, уступить, позволить ему нанести удар первым. Ей жизненно необходимо испытать все, что минуту назад пообещали обсидиановые глаза, прыгнуть без страховки в пожирающую тьму и, может быть, сгореть в полете, так и не достигнув дна.

Автомобиль тормозит на перекрестке, и их взгляды снова сталкиваются в безмолвном молчании. Протянув руку, Алан дотрагивается до позолоченного креста с петлей вместо верхней планки, покачивающегося на тонкой шнуровке в такт дыханию девушки.

– Лазурит? – интересуется Флеминг, лениво поглаживая большим пальцем выпуклый синий камень, расположенный в центре подвески. Анна напряженно замирает, ощущая тепло мужской ладони там, где ей точно не место.

– Да. Как ты догадался? – Отпрянув, девушка разрывает зрительный и тактильный контакт.

– У Мириам было такое же украшение. – Флеминг отворачивается, и автомобиль продолжает движение. – Она носила его не снимая, – добавляет он отстраненно.

– Это не украшение, – тихо отзывается Аннабель, переводя дыхание и успокаиваясь. – Анкх – сакральный древнеегипетский символ. Круг в верхней части обозначает обитель Бога Солнца. Горизонтальная линия – небосвод, а вертикальная – жизненный путь человека. Анкх называют «Ключом жизни», открывающим царство мертвых и тайны «бессмертия». В древние времена его наносили на амулеты, считая, что он продлевает жизнь на земле.

– Интересные познания. – Алан задумчиво ухмыляется. – Есть еще одна версия, согласно которой анкх символизирует слияние мужского и женского начала – Осириса и Исиды. Мне она нравится больше, – блистает он эрудицией.

Девушка резко накрывает подвеску ладонью, словно пряча его от настойчивого внимания мужчины, который снова полностью сосредоточен на дороге.

– Так откуда у тебя эта безделушка, Эни?

– Безделушка? – Сдвинув брови, она едва сдерживает негодование. – Бенсоны придавали огромное значение этой, как ты выразился, «безделушке». Свой анкх я получила в подарок от Камерона.

– Странно, что ты носишь его до сих пор, учитывая личную неприязнь к дяде и всему, что связано с ним и его фермой, – лаконично замечает Алан.

– Я надела его сегодня впервые за много лет, – признается она.

– Зачем? – тут же следует резонный вопрос.

– Поддалась внезапному порыву, – быстро импровизирует девушка, радуясь своей находчивости.

– Или решила подвергнуть меня очередной провокации, – Флеминг выдвигает собственную версию и, как обычно, попадает четко в цель.

– Для каких целей?

– Любопытство. – Он снисходительно улыбается, не сомневаясь в собственной правоте. – Ты знала, что я обращаю внимание на эту милую вещицу и сопоставлю очевидные факты.

– Какие, например?

– Название книги Мириам, изображение на обложке – все это ведет туда, откуда ты только что сбежала. – Флеминг не рассуждает, а снова утверждает.

– Ты придерживаешься другого мнения? – Анна вскидывает подбородок, глядя на писателя с вызовом. Он на секунду оборачивается, проницательно смотрит в глаза.

– Неважно, какого мнения придерживаюсь я, Эни. Главное то, во что веришь ты. Твой страх – неподдельный, искренний, красноречиво говорящий о том, что там... – мужчина делает характерное движение головой, указывая в обратную сторону, – хранятся секреты, пугающие тебя до полуобморочного состояния. Невыносимо тяжелая ноша для хрупких женских плеч. Ты можешь разделить ее со мной или тащить дальше в одиночку. Выбор за тобой.

Отвернувшись, Аннабель невидящим взглядом смотрит на мелькающий за окнами унылый пейзаж. Когда мужчина вроде Алана Флеминга предлагает выбор, то, как правило, предполагает обратное и будет упорно подталкивать в нужном ему направлении.

В гнетущем молчании они добираются до Дейтона. На протяжении всего пути Аннабель прокручивает в голове слова Алана о взаимосвязи ненавистной фермы Бенсонов и написанного Мириам романа. В баре, когда она высказала Флемингу подобные подозрения, он высмеял ее, заявив, что книга – не более чем творческий вымысел автора. Выходит, он лукавил? Либо намеренно пытается ее запутать.

– Ты передумал? – Бросив взгляд в окно, Аннабель замечает, что они движутся по знакомой улице. Видимо, Алан все-таки решил доставить ее домой, избавив себя от неадекватной истерички.

– Нет, – с легким недоумением роняет Флеминг.

Анна удивленно смотрит на его сосредоточенный невозмутимый профиль, потом снова в окно.

– Но мы же почти у моего... – Девушка осекается, когда внедорожник плавно сворачивает с главной трассы на второстепенную дорогу. – Куда ты меня везешь?

– Мы же вроде договорились, и ты согласилась. – Губы мужчины кривит неровная улыбка.

Аннабель оторопело пялится по сторонам, пока автомобиль паркуется на стоянке перед жилым комплексом, находящимся аккурат напротив дома Анны.

– Только не говори, что ты здесь живешь, – выдыхает она, зрительно пытаясь прикинуть расстояние между двумя домами.

– Если я промолчу, тебе станет спокойнее? – ухмыляется Алан, глуша двигатель.

Он выходит первым и, обогнув автомобиль, как истинный джентльмен открывает пассажирскую дверь. Завозившись с ремнем безопасности, Аннабель просчитывает в голове возможные пути бегства.

Она слишком взрослая девочка, чтобы верить в подобные совпадения. Случайность в данном случае полностью исключена. Выходит, что Флеминг намеренно снял жилье в непосредственной близости от дома ее отца. Цель очевидна, но больше всего сейчас девушку беспокоит другой вопрос...

– Давно? – Отстегнувшись, она не спешит покинуть машину и игнорирует галантно протянутую мужскую ладонь, сканируя пытливым взглядом бесстрастное лицо Флеминга.

– Переехал три дня назад. – Он непринужденно пожимает плечами, убирая руку и тактично отступая назад. – Осточертели гостиничные номера. Захотелось домашнего уюта.

– Домашнего уюта? В арендованной квартире? – скептически замечает Анна.

– Я снял лофт под крышей. До меня там жил художник, и мне понравилась оставленная им атмосфера творческого беспорядка, – спокойно поясняет мужчина. – Простор, тишина, высокие потолки и много света. Все как я люблю.

– Это был не случайный выбор? Я правильно понимаю? – Неловко выбравшись из автомобиля, Аннабель расправляет плечи, требовательно глядя в искрящиеся черные глаза. Он еще и веселится?

– Да, Эни. Ты все поняла правильно. – От скользнувшей по чувственным мужским губам улыбки асимметрия между правой и левой стороной лица проявляется четче. – Меня трудно заинтересовать и сподвигнуть на несвойственные мне действия, но ты умудрилась возбудить мое любопытство.

От его наглой прямоты девушка теряется. Хочется послать его к черту и гордо удалиться, но все заготовленные слова застревают в горле. Сердце бьется недопустимо быстро, ладони становятся влажными. Алан Флеминг заинтересован в ней? Серьезно? Или это просто извращенное любопытство? Если не что-то другое... более опасное.

– Я не маньяк и не сталкер, преследовать тебя и докучать своим вниманием не собираюсь. Об этом можешь не волноваться. Я абсолютно безопасен, Эни. Бояться меня не нужно.

Она молчаливо хмурится, нервно кусая губы и теребя в руках ремешок своей сумки. На лице выражение сомнения, недоверия и тревоги. Алан тяжело вздыхает, глядя на нерешительную девушку, как на несмышленное дитя.

– Если хочешь, мы можем прямо сейчас позвонить твоему отцу и сообщить мой адрес, а заодно предупредить, что ты задержишься, – предлагает он вполне логичный вариант для успокоения ее тревожных предчувствий.

– Ладно, – подумав пару секунд, нехотя соглашается Аннабель. Порывшись в своей безразмерной сумке, она достает мобильник и, отойдя в сторону, набирает номер Райана Одли. Не сдвинувшись с места, Флеминг терпеливо ждет, пока девушка завершит разговор с отцом. Диалог длится не больше минуты.

– Все в порядке? – вежливо любопытствует мужчина, когда Анна прячет телефон обратно.

– Да. – Она выглядит слегка обескураженной. – Папа сказал, чтобы я не торопилась... Странно, я думала, он будет против.

– Вот видишь, твой отец заочно не видит во мне опасности, – широко улыбается Флеминг. Аннабель быстро отводит взгляд. – Познакомь нас, Эни. Пригласи меня на ужин. Как ни крути, я все-таки тоже член семьи.

– Я подумаю, – мрачно отзывается девушка. – Спрошу у отца, – добавляет чуть мягче. – Если он согласится, то почему бы нет.

– Отлично, – удовлетворенно кивает Алан, коснувшись локтя Аннабель. – Пойдем? Покажу тебе свое логово.

* * *

«Логово» Алана Флеминга поражает гостью огромной площадью и необычным дизайном. Он не обманул насчет свободного пространства и творческой атмосферы, а вот расхваленного беспорядка она не заметила. Разве что немного пыли на мебели, но это не критично, когда мужчина живет один. Анна ожидала худшего и была приятно удивлена. Гостиная показалась ей просто громадной. Отдельно отметила кухню – просторную, полностью укомплектованную всей необходимой техникой. Мечта любой хозяйки... если она любит и умеет готовить. А это не про Аннабель. Ей, конечно, приходится в последнее время делать усилие над собой и баловать отца домашней едой, но иногда Анне кажется, что он хвалит ее стряпню чисто из вежливости или нежелания обидеть.

– Здесь невероятно красиво! – восклицает Аннабель, озираясь по сторонам.

А посмотреть действительно есть на что! Высокие потолки создают эффект парения, гранитные полы напоминают о музеях и выставках, историческая деревянная отделка стен заставляет приглядываться к каждой детали, большие окна с отражающими солнечный свет витражами вызывают у девушки очередной произвольный взглас восхищения. Меблировка в основном классическая, выполненная из дорогих пород дерева. Некоторые предметы мебели явно приобретены в антикварных лавках.

– Нравится? – с довольной улыбкой спрашивает Флеминг, снимая пальто и убирая его в шкаф. Аннабель восторженно кивает, остановившись возле камина.

– Очень, – искренне произносит она, с трепетом дотрагиваясь кончиками пальцев до бронзового подсвечника. – Аренда, наверное, стоит безумных денег? – интересуется, боясь даже представить сумму, отваленную писателем за этот шикарный лофт.

– Каждый доллар оправдан. – Он равнодушно пожимает плечами. – Ты голодная? Могу приготовить омлет с беконом или по-быстрому замутить пасту, – предлагает гостеприимный хозяин, решив окончательно поразить гостью многосторонностью своей личности.

– Ты? – Она останавливает на нем изумленный взгляд, только сейчас заметив, что, в отличие от нее, мужчина успел раздеться.

Не полностью, само собой. Кипельно-белая водолазка и черные полуклассические брюки остались при нем и сидят так, что хоть сейчас на обложку журнала. Широкие плечи, плотно обтянутые тканью бицепсы и грудные мышцы на какое-то время отвлекают Анну от любования обстановкой. Ниже она не смотрит. Это было бы полным фиаско. Тем более что все анатомические особенности своего мужа Мириам расписала в мельчайших подробностях. Но об этом сейчас лучше не вспоминать. Ничем хорошим не кончится. Это уж точно.

– Сам готовишь? – сглотнув скопившуюся слюну, интересуется Анна.

– Мириам считала, что я запросто мог сделать карьеру шеф-повара, если бы не подался в писатели, – хвастается Алан. Если он и заметил, что гостя бессовестно на него глазела, то виду не подал.

– Журналист, писатель, повар... У тебя есть недостатки, мистер Совершенство? – иронизирует Анна.

– Я не умею плавать.

– Совсем?

– Совсем, – кивает Флеминг, его глаза резко темнеют, хотя куда уж больше. – Я был против бассейна в нашем доме. Мирим настояла.

– Это в ее характере. Она не любила уступать, – подхватывает Аннабель. – Вижу цель, не вижу препятствий. Таково было ее кредо. Во всем и всегда.

– Точно, – невесело ухмыляется Алан.

Диалог вдруг заходит в тупик, повисает тягостное молчание. Их словно примагнитенные взгляды пытаются разглядеть в глазах друг друга что-то невысказанное. Аннабель непроизвольно обхватывает себя руками. Свой нелепый бомбер она так и не сняла, но мурашки, бегущие по коже, никак не связаны с температурой воздуха в гостиной. Ей не холодно, скорее наоборот. Молчаливая пауза затягивается, и напряжение между ними начинает ощутимо искрить. Анна инстинктивно отступает на шаг назад, испытывая одновременно неловкость и смущение.

– На каждом из допросов неизменно задавался вопрос: почему я ничего не сделал, обнаружив свою жену в бассейне без движения? – глухим голосом произносит Флеминг. – Как я понял, что она мертва, если не убедился в этом лично? Почему не попытался оказать первую помощь? Возможно, ее еще можно было реанимировать, сделать искусственное дыхание или хотя бы вытащить из воды.

– Наверное, тебя самого гложут подобные мысли. – Аннабель с сочувствием смотрит в неприступное лицо мужчины. На самом деле она совершенно не уверена в том, что Флемингу знакомы муки совести и чувство вины. Его поведение демонстрирует что угодно, но только не раскаяние. Хотя откуда ей знать?

– Семь метров глубины, – словно не услышав ее реплики, продолжает Алан. – Мири любила нырять с вышки. Она могла плавать часами, и я никогда не волновался... У меня даже мысли не возникало, что с ней может что-то случиться. Мы объездили много стран, и везде, где были моря, Мириам первым делом бежала записываться на дайвинг. Она и с доской неплохо справлялась, ловила волну не хуже опытных серфингистов.

– Может быть, Мири неудачно прыгнула и ударилась головой о борт?

- Судмедэксперты не нашли ни в воде, ни рядом ни одной капли крови.
- Крови могло и не быть, – возражает Анна.

Ее внезапно бросает в жар, в то время как спину обдает холодом. Она не ожидала, что Алан начнет откровенничать чуть ли не с порога. Он застал ее врасплох. Возможно, специально. Играет на эффекте неожиданности.

– Мири лежала в воде лицом вниз. Я звал ее, метался вокруг бассейна, кричал... – В его голосе проскальзывают болезненные интонации, и сердце Аннабель сжимается от искреннего сострадания. Сейчас он точно не играет. – Самые чудовищные минуты в моей жизни. Я проклинал себя за то, что оставил телефон на своем рабочем столе. Поэтому был вынужден вернуться в дом, чтобы позвонить в службу спасения. Мне пришлось оставить ее там одну.

– Ты не обязан мне все это рассказывать... – тихо бормочет Анна, испытывая целый спектр тяжелых эмоций.

Жутко даже представить, что пережил Флеминг в тот безумный день, когда сначала нашел свою жену мертвой, а потом потерял и стал главным подозреваемым в деле по ее исчезновению. Страшно, больно, чудовищно, жестоко и несправедливо... но только в том случае, если он и правда невиновен.

- У нас был уговор, – напоминает Алан. – Я решил начать первый.

Выражение его лица снова становится нечитаемым, и Аннабель с досадой приходится признать, что физиогномист из нее никакой. Психолог тоже посредственный. Остается только интуиция и внутреннее чутье, а они в один голос орут, что этому муд... упс, мужику доверять нельзя. Да и с чего она вообще взяла, что Флеминг возьмет да и вывалит всю подноготную внезапно свалившейся на его голову родственнице. Не дурак же. Мозги и воображение присутствуют.

Черт, ну неужели Мири не могла себе найти парня попроще? Попонятнее.

Стоило Аннабель об этом подумать, как ее снова бросило в холодную дрожь. Ощущение присутствия стороннего наблюдателя, как было дома в прихожей и еще пару раз, вернулось, усиленное двукратно. Она спиной почувствовала холодное дыхание. Затылок онемел от напряжения, мышцы словно оцепенели. Все симптомы хронической каталепсии. Вот только Аннабель никогда не страдала душевными недугами, а об этой болезни узнала от Мириам. После рождения младшего сына Трейси Бенсон погрузилась в затяжную послеродовую депрессию, а через год матери Мири диагностировали кататоническую форму шизофрении. Женщина время от времени впадала в ступор, проводила в неподвижном состоянии по несколько часов, а иногда и дней. Мириам жутко боялась свою мать, когда случался приступ. Мири считала, что телом Трейси периодически овладевают злые духи. Это была одна из причин, по которым Аннабель не сомневалась в том, что кузина внесла в свою книгу очень много личных моментов. Самых пугающих и темных. Весь пережитый страх и отголоски ночных кошмаров. Поэтому Анна так и не решилась прочитать ее роман. Она тоже боялась...

- Ты не знаешь, о чем я хотела спросить, – Аннабель находит в себе силы возразить.
- Я знаю, Эни, – уверенно говорит мужчина и начинает неторопливо приближаться.

Она вся сжимается, с трудом сдерживаясь от желания побежать к двери, но его прямой и твердый взгляд словно пригвозждает собеседницу к месту, лениво скользит по лицу, спускается ниже, замечает мелко дрожащие пальцы. Анна делает вдох, только когда Флеминг огибает ее справа.

– Надо разжечь огонь. Ты замерзла, – произносит он, опустившись на корточки перед камином.

- Вовсе нет.

– Ты дрожишь, – отмечает он, бросая в перегоревшие угли несколько свежих поленьев. – Причины может быть две. Страх или холод, – продолжает Алан. Засунув в середину несколько скомканных листов бумаги, он подносит к торчащему кончику зажженную зажи-

галку. Секунда, и пламя вспыхивает, быстро расплзаясь по топке. – Ты боишься меня, Эни? – Подняв голову, Флеминг пристально смотрит в синие глаза гостыи.

– Мы говорили об исчезновении Мириам, – девушка резко меняет тему, но, судя по ухмылке Алана, он успел прочитать ответ на женском лице.

– У меня нет сомнений в том, что моя жена была мертва, – вытянув ладони над огнем, уверенно отвечает мужчина. – Если бы я прыгнул за ней в бассейн, то криминалисты получили бы два трупа.

– Один, – коротко поправляет девушка. – Мириам они так и не нашли. Никаких следов. Ни ее, ни того, кто мог в считанные минуты спрятать тело так, чтобы его никто не нашел. До сих пор.

– Следователи пытались продвинуть версию, что тела и не было. Самый простой вариант из всех возможных. У писателей богатое воображение, особенно если убийства – это основная тема книг конкретного автора.

– Логичное предположение, – соглашается Аннабель. – Писатели – люди с тонкой душевной организацией, склонные к искаженному восприятию реальности, легко могут спутать иллюзии с действительностью. А кое-кто еще и пользуется допингом для расширения «горизонтов» воображения.

– Тест на наркотики показал, что я чист, – качнув головой, опровергает Алан озвученные версии. – А судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что с мозгами у меня полный порядок. Но в какой-то момент я сам начал склоняться к мысли, что мне все померещилось... И я бы все отдал, чтобы так оно и было. – Он выпрямляется в полный рост и делает шаг в сторону Анны. Теперь их разделяет расстояние не больше вытянутой руки. Он пахнет дымом и опасностью, но бежать глупо и слишком поздно.

– В таком случае дело бы закрыли гораздо раньше, – проанализировав услышанное, заключает Аннабель. Ее взгляд смело встречается с его – полным блуждающих теней. Она уже видела их, когда они разговаривали в машине и в баре.

– Слишком много фактов указывало на то, что Мириам не покидала территорию дома. Ее вещи остались лежать на шезлонге в бассейне: сланцы, полотенце, халат, открытая бутылка воды и надкусанный батончик мюсли со следами ее слюны. Машина на парковке, ключи и телефон в спальне. Обувь, драгоценности, одежда, документы – ничего не пропало. Ни доллара не списалось с ее счетов с момента исчезновения. Никаких значительных трат и крупных денежных переводов до...

– И у тебя нет собственных идей? – Задав вопрос, Аннабель от волнения задерживает дыхание.

– Были, но все они по тем или иным причинам зашли в тупик, – отвечает Алан, склонив голову набок. – А у тебя, Эни? – Его голос звучит на тон ниже. – Кроме меня есть еще подозреваемые?

– Я не думаю, что ты убил свою жену, – отрицает Аннабель. Не очень умело, совершенно неискренне. Скептическая полуулыбка застывает на губах Флеминга.

– А если я? Что ты сделаешь? – Флеминг смотрит ей в глаза с лукавым любопытством.

– Ты блефуешь. – Она качает головой. – Ты не похож на убийцу, Алан, но и на скорбящего вдовца – тоже.

– Как, по-твоему, выглядит скорбящий вдовец? – снисходительно уточняет он.

Аннабель неожиданно для самой себя вскипает от вспыхнувшей злости и раздражения.

– Не знаю, но точно не так, – смерив мужчину осуждающим взглядом, выпаливает она.

– Мой тебе совет: если не знаешь, лучше промолчи, – ухмыляется зазнавшийся мерзавец.

– Так и сделаю. – Резко отвернувшись, Анна отходит к окну.

Сбегает, как последняя трусиха. Капитуляция. Полная. Позорная. Но и дальше терпеть его снисходительный тон выше ее сил. Стянув с себя ненавистный бомбер, девушка бросает

его на ближайшее кресло. Можно было даже не стараться уродовать себя. Этот самодовольный говнюк считает ее полной идиоткой, если не хуже.

– Ты, кажется, хотел приготовить пасту, – немного успокоившись, напоминает она, делая вид, что рассматривает разноцветные витражи.

– Составишь мне компанию?

– Помочь не обещаю, – Анна оглядывается через плечо. – Только все испорчу.

– Я и не прошу, – Флеминг дружелюбно улыбается. – Выпьешь вина, согреешься, расслабишься, а потом расскажешь, почему ты так боишься возвращаться на ферму Бенсонов. Свою часть уговора я выполнил, теперь твой черед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.